

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ЛИ ЧАЙЛД

ДЖЕК РИЧЕР:

Великолепно, во всех деталях
прописанные экшен-сцены
вкуче с захватывающей тайной...

Publishers Weekly

ГОСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Джек Ричер

Ли Чайлд

Джек Ричер. Гость

«Азбука-Аттикус»

2000

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Сое)-44

Чайлд Л.

Джек Ричер. Гость / Л. Чайлд — «Азбука-Аттикус»,
2000 — (Джек Ричер)

ISBN 978-5-389-21583-2

Джек Ричер, бывший военный полицейский и в прошлом чертовски хороший следователь, арестован ФБР по подозрению в убийстве двух женщин. Обе служили в армии, судились из-за сексуальных домогательств, обоим пришлось уволиться. Их нашли мертвыми в собственных домах, причем обстоятельства смерти были весьма странными. Вдобавок в том и в другом случае – никаких следов насильственного проникновения в жилище; жертвы сами впустили убийцу в дом. Признаки насилия или борьбы отсутствуют, улики тоже нет. Фэбээровцы составили психологический портрет преступника, и, по их мнению, Джек Ричер идеально подходил на эту роль, поскольку обеих женщин знал лично. Но когда обнаруживается тело третьей жертвы, убитой при идентичных обстоятельствах, Ричера освобождают, и он, без особой, впрочем, охоты, соглашается оказать содействие амбициозному специальному агенту ФБР Джулии Ламарр, которая крайне заинтересована в поимке серийного маньяка-убийцы... Ранее роман издавался под названием «Поиск вслепую».

УДК 821.111-312.4

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-21583-2

© Чайлд Л., 2000

© Азбука-Аттикус, 2000

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	34
Глава 5	39
Глава 6	48
Глава 7	53
Глава 8	62
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Ли Чайлд Джек Ричер: Гость

*Посвящается моим родителям, Одри и Джону, которые научили
меня читать и объяснили, зачем это нужно*

Lee Child

RUNNING BLIND (THE VISITOR)

Copyright © Lee Child 2000

This edition is published by arrangement with Darley Anderson Literary, TV & Film Agency
and The Van Lear Agency

All rights reserved

Перевод с английского Сергея Саксина

© С. М. Саксин, перевод, 2008

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Атти-
кус“», 2022 Издательство АЗБУКА®

Глава 1

Говорят, что знание – это сила. Чем больше знаний, тем больше силы. Предположим, тебе заранее известны выигрышные числа лотереи. Все. Это не догадка, не сон, они просто тебе известны. Что ты сделаешь в этом случае? Побежишь к ближайшему киоску – вот что. Отметишь числа на билете. И выиграешь.

То же самое относится к фондовому рынку. Предположим, тебе известно, какие акции пойдут вверх. И речь идет не о шестом чувстве. Не о предчувствии экономической тенденции, не о расчете вероятностей, не об утечке информации. Ты знаешь – и все. Знаешь твердо, наверняка. Что ты сделаешь? Срочно свяжешься со своим брокером – вот что. И дашь ему команду покупать. А потом продавать, и в результате ты станешь богатым.

То же самое можно сказать про спортивный тотализатор, про скачки, про что угодно: футбол, хоккей, баскетбол, следующий Кубок мира. Если ты способен предсказывать будущее, тебе не о чем беспокоиться. Тут не может быть никаких вопросов. То же самое и с «Оскарами», и с Нобелевскими премиями, то же самое с тем, когда выпадет первый снег. То же самое можно сказать ибо всем.

То же самое можно сказать об искусстве убивать.

Предположим, тебе захотелось убивать людей. Перво-наперво надо узнать, как это делается. Но тут нет ничего сложного. Способов убить человека много. Одни лучше других. Однако у большинства есть недостатки. Так что ты используешь свои знания и изобретаешь новый способ. Ты думаешь, думаешь, думаешь и в конце концов находишь совершенный метод.

Ты обращаешь особое внимание на подготовку. Потому что совершенный метод вряд ли окажется простым и к нему надо будет тщательно готовиться. Но для тебя это станет настоящим удовольствием. Ты ничего не имеешь против тщательной подготовки. Абсолютно ничего. И действительно, ты же человек умный. И опытный.

Ты знаешь, что основные проблемы начнутся потом. Как гарантировать, что тебе удастся остаться безнаказанным? Воспользоваться своими знаниями – вот как. О методах полиции тебе известно гораздо лучше, чем большинству людей. Тебе много раз приходилось видеть полицейских в работе, иногда совсем близко. Тебе известно, что они ищут. Поэтому ты не оставишь ничего такого, что они смогут найти. Ты мысленно прокрутишь все в голове, подробно, тщательно и внимательно. Так внимательно, как будто заполняешь лотерейный билет, зная наверняка, что он принесет тебе целое состояние.

Говорят, что знание – это сила. Чем больше знаний, тем больше сила. То есть ты являешься одним из самых могущественных людей на земле. В том, что касается искусства убивать. И оставаться безнаказанным.

В жизни постоянно приходится принимать решения, выносить суждения, строить догадки, и человек настолько сживается с этим, что продолжает действовать так даже тогда, когда особой необходимости в этом нет. Он задает себе вопрос «а что, если...» и начинает рассуждать, как поступил бы на месте кого-то другого. Это становится привычкой. Джек Ричер давно сросся с этой привычкой. Вот почему он сидел один за столиком в ресторане и, глядя на спины двух парней, стоявших футах в двадцати от него, гадал, достаточно ли будет просто их предупредить или же придется идти до конца и ломать им руки.

Это был вопрос динамики. С самого начала динамика большого города подразумевала, что вновь открывшийся итальянский ресторан в престижном районе Трайбека – например, тот, в котором сейчас сидел Ричер, – будет пустовать до тех пор, пока о нем не упомянет обозреватель «Нью-Йорк таймс» или пока корреспондент раздела светской хроники «Обсервера» не застанет в нем два вечера подряд какую-либо знаменитость. Однако пока не произошло ни

того ни другого, и заведение оставалось безлюдным, что как нельзя лучше подходило одинокому мужчине, который хочет спокойно поужинать неподалеку от дома своей девушки, когда та задерживается на работе. Динамика большого города. Именно благодаря ей Ричер оказался здесь в тот вечер. Она же сделала неизбежным появление здесь двух типов, за которыми он сейчас наблюдал. Ибо динамика большого города означает, что каждое новое коммерческое предприятие рано или поздно удостоится визита посланцев от человека, желающего получать стабильные триста долларов в неделю в обмен на обещание не присылать своих ребят, которые придут с бейсбольными битами и обрезками труб и будут крушить все вокруг.

Два типа, за которыми наблюдал Ричер, стояли у бара и вполголоса разговаривали с владельцем. На самом деле это даже нельзя было назвать баром, в том смысле, что перед ним не было высоких табуретов для посетителей, желающих быстро пропустить стаканчик-другой. Это был просто отгороженный барьером угол зала в форме треугольника с основанием семь-восемь футов. Лишь одна из фокусных точек заведения. Место, где хранятся бутылки. Они теснились в три ряда на стеклянных полках у зеркальной стенки. Внизу стояли кассовый аппарат и машинка для считывания кредитных карточек. Владелец ресторана, маленький нервный человечек, забился в угол бара, прижавшись спиной к кассе. Он скрестил руки на груди, словно пытаясь защититься. Ричеру были видны его глаза, полные недоверия и паники и беспокойно бегающие по сторонам.

Зал был большой – правильный квадрат со стороной около шестидесяти футов. Высокие потолки, футов двадцать или даже двадцать пять. Они были из гофрированного металла, обработанного пескоструйным аппаратом до матового сияния. Здание насчитывало более ста лет, и помещение в те или иные времена использовалось под самые различные цели. Вероятно, вначале здесь находился какой-нибудь цех. Во всяком случае, окна были достаточно большими и их было достаточно много, чтобы обеспечить освещение для некоей производственной деятельности в ту эпоху, когда город был еще пятиэтажным. Затем, наверное, тут разместился магазин. Быть может, салон продажи автомобилей. Места для этого хватало. И вот теперь здесь появился итальянский ресторан. Не дешевая забегаловка с клетчатými скатертями на столах и всего одним видом спагетти под соусом, а заведение, вложившее триста тысяч долларов в обстановку; заведение, где подают на тарелке семь или восемь крохотных домашних ravioli и называют это порцией. За четыре недели, прошедшие со дня открытия ресторана, Ричер успел поужинать здесь десять раз и неизменно вставал из-за стола голодный. Но качество блюд было таково, что он всем об этом рассказывал, и это действительно кое-что значило, потому что Ричер знал толк во вкусной еде. Насколько он разбирался в итальянском, название ресторана – «Мострос» – в переводе означало «У монстра». Ричер не знал, к чему относилось это название. Определенно не к размеру порций. Но оно было звучным, да и в целом ресторан с мебелью из светлого клена, белыми стенами и тусклой алюминиевой отделкой получился вполне привлекательным. Здесь работали дружелюбные и уверенные люди. Через первоклассные колонки, подвешенные на стенах, транслировались оперы – целиком, от начала и до конца. Хотя Ричер не был в этих делах специалистом, ему казалось, что он присутствует при рождении нового громкого имени.

Однако имя, похоже, рождалось слишком медленно. В авангардно оформленном зале свободно разместились всего двадцать столиков, но за те четыре недели, что Ричер сюда приходил, он еще ни разу не видел, чтобы занятыми были больше трех. Однажды Ричер целых полтора часа, проведенных в заведении, оставался единственным посетителем. Сегодня, кроме него, в ресторане была еще одна пара, устроившаяся за пятым от него столиком. Пара сидела визави, боком к Ричеру. Мужчина среднего роста, весь какой-то песочного цвета. Короткие рыжеватые волосы, светлые усы, светло-коричневый костюм, коричневые ботинки. Женщина, худая и смуглая, была в юбке и пиджаке. Под столиком справа от нее стоял чемоданчик из

искусственной кожи. Обоим было лет по тридцать пять, и оба выглядели усталыми и измученными. Им было уютно вместе, но они почти не разговаривали.

Зато два типа у стойки говорили много. Это точно. Они подались вперед, согнувшись пополам, и говорили много и убедительно. Владелец, подчиняясь той же силе, отпрянул назад, упершись спиной в кассу. Казалось, всех троих застиг порыв ураганного ветра, пронесшийся по залу. Оба типа габаритами значительно превосходили среднее значение. Они были в одинаковых темных шерстяных пальто, зрительно еще больше увеличивавших плечи. Ричеру были видны их лица, отражающиеся в зеркале за бутылками. Оливковая кожа, черные глаза. Не итальянцы. Возможно, сирийцы или ливанцы, чья арабская низкорослость исчезла за несколько поколений жизни в Америке. Они оживленно объясняли что-то владельцу. Тот, что справа, подкреплял свои слова взмахами руки. Не вызвало сомнений, что эти жесты изображали бейсбольную битку, крушащую бутылки на полках. Затем рука несколько раз поднялась и резко опустилась. Тип показывал, как будет разбивать полки. «Одним ударом разобью все, от верхней до нижней», – объяснял он. Владелец, побледнев, краем глаза косился на полки.

Тот, что слева, сдвинув манжету рукава, постучал по циферблату наручных часов и повернулся, собираясь уходить. Его напарник выпрямился и последовал за ним. Проходя мимо столика, он протянул руку и сбросил тарелку на пол. Упав на каменные плитки, тарелка разлетелась вдребезги, громким диссонирующим звуком заглушив витающие в воздухе звуки оперы. Рыжеватый мужчина и смуглая женщина отвели взгляд. Громилы медленно прошли к выходу с высоко поднятой головой, уверенные в себе. Ричер проводил их взглядом. Только когда они скрылись на улице, владелец ресторана выбрался из-за стойки и, опустившись на колени, провел пальцами по осколкам.

– С вами все в порядке? – окликнул его Ричер.

Не успев договорить, он уже понял, что сказал глупость. Владелец пожал плечами и натянул на лицо универсальное скорбное выражение. Сложив ладонь горсточкой, он принялся сгребать осколки в кучку. Ричер встал из-за стола, разложил салфетку на соседней плитке и стал собирать на нее мусор. Парочка, сидевшая в пяти столиках от него, молча следила за ним.

– Когда они вернуться? – спросил Ричер.

– Через час.

– Сколько они хотят?

Снова пожав плечами, владелец горько усмехнулся.

– На первое время мне скидка, – сказал он. – Две сотни в неделю. Как только заведение раскрутится, придется выкладывать по четыре.

– И вы будете платить?

Владелец снова состроил скорбное лицо:

– Мне очень хочется сохранить свое дело. Но если отстегивать по две сотни каждую неделю, о прибыли придется забыть.

Рыжеватый мужчина и смуглая женщина сидели, уставившись на противоположную стену, но не пропускали ни слова. Опера дошла до арии в миноре, и дива взяла низкую трагическую ноту.

– Кто это был? – тихо спросил Ричер.

– Не итальянцы, – ответил владелец. – Так, какой-то сброд.

– Можно воспользоваться вашим телефоном?

Владелец молча кивнул.

– Здесь где-нибудь поблизости есть магазин канцелярских принадлежностей, работающий допоздна? – спросил Ричер.

– На Бродвее, в двух кварталах отсюда. А что? Вас ждут дела?

– Да, дела, – подтвердил Ричер.

Поднявшись с пола, он прошел за стойку. Рядом с новенькой книгой предварительной записи стоял новенький телефон. Книгу, похоже, еще ни разу не раскрывали. Сняв трубку, Ричер набрал номер. После двух гудков ему ответили – собеседник находился всего в миле по прямой и на сорок этажей выше.

– Алло.

– Привет, Джоди.

– Привет, Ричер. Что новенького?

– Ты скоро заканчиваешь?

В трубке послышался вздох.

– Нет, придется работать всю ночь, – ответила Джоди. – Очень запутанный договор, а заключение по нему было нужно еще вчера. Я очень сожалею.

– Не бери в голову, – успокоил ее Ричер. – У меня тоже как раз появилось одно дельце. А потом, думаю, я вернусь в Гаррисон.

– Отлично, только береги себя, – сказала она. – Я тебя люблю.

Ричер услышал шелест документов, затем в трубке раздались короткие гудки. Положив трубку на аппарат, он вышел из-за стойки и вернулся к своему столику. Оставив под чашкой кофе сорок долларов, направился к двери.

– Удачи вам, – бросил он владельцу, все еще сидевшему на корточках на полу.

Бедолага рассеянно кивнул. Парочка за дальним столиком проводила Ричера взглядом. Тот натянул плащ, поднял воротник и, оставив оперу позади себя, вышел на улицу. Было темно, воздух был наполнен осенней прохладой. Вокруг фонарей, прятавшихся в тумане, сияли нимбы. Ричер прошел на восток до Бродвея и принялся искать в море неона вывеску магазина канцелярских принадлежностей. Это оказалось небольшое заведение, набитое всевозможными товарами с ценниками в виде больших светящихся звезд. Все было достаточно дешево, что полностью устраивало Ричера. Он купил маленькую машинку для распечатки ценников и тюбик суперклея. Затем, вжав голову в плечи и подняв воротник, направился на север, в сторону дома Джоди.

Машина Ричера, дорогой полноприводный джип, стояла в подземном гараже этого дома. Выехав из гаража, он поехал по Бродвею на юг, а затем свернул на запад обратно к ресторану. Проезжая мимо, Ричер сбавил скорость, заглядывая в большие окна. В зале горел яркий свет, отражавшийся от белых стен и светлого дерева мебели. Ни одного клиента. Все столики были свободны, а владелец сидел на стульчике перед стойкой бара. Оглянувшись вокруг, Ричер завернул за угол и в нарушение правил поставил машину у въезда в переулок, который вел к дверям кухни. Заглушив двигатель и погасив фары, он стал ждать.

Динамика большого города. Сильные притесняют слабых. Они занимаются этим до тех пор, пока не натыкаются на кого-то более сильного, у кого возникает гуманная прихоть их остановить. На кого-то вроде Ричера. На самом деле у него не было никаких причин помогать едва знакомому человеку. Никакой логики. Никакого резона. Прямо сейчас в этом семи-миллионном городе сотни сильных обижают слабых. Возможно, даже тысячи. Прямо сейчас, в эту самую минуту. Ричер не собирался выискивать и останавливать их всех. Он не проводил какую-то полномасштабную кампанию. И в то же время он не мог спокойно смотреть, как такое происходит у него под самым носом. Не мог развернуться и уйти. Это было у него в крови.

Ричер достал из кармана машинку для распечатки ценников. Запугать двух громил – полдела. Главное – то, за кого они примут человека, их запугивающего. Обеспокоенный гражданин, в одиночку вступившийся за права какого-то владельца ресторана, ничего не добьется независимо от того, каким бы удачным ни было начало. Одиночки никому не страшны, потому что любого одиночку можно смять простым числом. В любом случае одиночка рано или поздно или умрет, или уедет, или потеряет интерес. Для того чтобы произвести нужное впечатление, требуется организация. Улыбнувшись, Ричер покрутил в руках машинку, пытаясь разо-

браться, как она действует. Для начала он напечатал свою фамилию, оторвал ленту и осмотрел ее. «Ричер». Пять букв, напечатанных белой краской на синей ленте длиной чуть больше дюйма. То есть на первом громиле этикетка будет иметь в длину дюймов пять. И четыре, может быть, четыре с половиной на втором. Превосходно. Ричер с улыбкой принялся за работу. Готовые ленты он положил на сиденье рядом с собой. Этикетки были самоклеящиеся, с клейкой поверхностью, закрытой полоской бумаги, но Ричеру нужно было кое-что получше. Именно поэтому он купил суперклей. Отвернув колпачок, закрывающий крошечный тюбик, Ричер проткнул фольгу пластмассовой иглой. Завернул колпачок, убрал тюбик и ленты в карман. Затем вышел из машины на промозглый воздух и, затаившись в тени, стал ждать.

Динамика большого города. Мать Ричера до смерти боялась городов. Это стало частью образования, которое он получил. Она говорила: «Города – это очень опасные места. В них полно жестоких, сильных людей». Ричер и сам стал сильным парнем еще в подростковом возрасте, но все же продолжал верить матери. Он видел, что она права. Жители больших городов были пугливыми, дергаными и настороженными. Они старались держаться от Ричера подальше и переходили на противоположную сторону улицы, чтобы не столкнуться с ним. При этом они вели себя настолько откровенно, что он все больше убеждался: страшные ребята совсем рядом, у него за спиной. И вдруг до Ричера дошло: «Нет, это я страшный парень. Все эти люди боятся меня». Это стало настоящим откровением. Увидев свое отражение в витринах магазинов, он понял, почему так произошло. Расти Ричер перестал в пятнадцать лет, когда в нем уже было шесть футов пять дюймов роста и двести двадцать фунтов веса. Настоящий гигант. Подобно большинству подростков тех лет, он одевался как бродяга. Осторожность, которую вколотила ему в голову мать, проявлялась в равнодушном, безразличном взгляде. «Меня все боятся». Это забавляло Ричера, он улыбался, и тогда люди еще больше сторонились его. С этого момента Ричер понял, что большой город ничем не отличается от любого другого места и на каждого человека, которого ему следует бояться, найдется девятьсот девяносто девять, которые боятся его самого. Он использовал эти знания в тактических целях, и спокойная уверенность, сквозящая в его взгляде и походке, удваивала эффект, который он производил на окружающих. Динамика большого города.

Когда прошли пятьдесят пять минут из отведенного часа, Ричер вышел из тени, остановился на углу, прислонившись к кирпичной стене ресторана, и стал ждать дальше. До него доносились звуки оперы – лишь слабое дуновение звука, пробивающееся сквозь стекло ближайшего окна. Машины на запруженной улице двигались рывками. На противоположной стороне гремел музыкой бар, расцвеченный неоном. Похолодало, и прохожие на тротуарах торопливо шли, пряча лицо в воротник. Сунув руки в карманы, Ричер стоял, опираясь на стену плечом, и следил за проезжающими мимо машинами.

Громилы вернулись точно в назначенный срок в черном «мерседесе». Они оставили машину за квартал от ресторана, наехав одним колесом на бордюрный камень. Свет погас, передние дверцы распахнулись одновременно. Громилы выбрались из машины, открыли задние дверцы и достали с сиденья бейсбольные биты. Спрятав биты под пальто, они захлопнули дверцы, оглянулись по сторонам и направились к ресторану. Прошли десять ярдов по тротуару, пересекли переулок, прошли еще десять ярдов. Двигались они непринужденно. Здоровенные, уверенные в себе парни, идущие большими неторопливыми шагами. Когда они поравнялись с Ричером, он оторвался от стены и перегородил им дорогу.

– Ребята, сворачиваем в переулок, – сказал он.

Вблизи они смотрелись внушительно и определенно производили устрашающее впечатление. Молодые, нет и тридцати. Массивные, покрытые упругой плотью, не являющейся мышцами в прямом смысле, но работающей почти так же эффективно. Толстые шеи, шелковые галстуки, рубашки и костюмы, купленные не на распродаже. Громилы прятали биты под пальто слева, вертикально держа их левой рукой через ткань кармана.

– Кто ты такой, черт побери? – спросил тот, что справа.

Ричер посмотрел на него. Тот, кто начинает говорить первым, в любой паре является доминирующей половиной. А в столкновении «один против двух» доминирующую половину необходимо вывести из дела в первую очередь.

– Кто ты такой? – повторил «правый».

Шагнув влево, Ричер чуть развернулся, загораживая собой тротуар и направляя громил в переулок.

– Управляющий, – сказал он. – Вы хотите получить деньги, а я именно тот, кто вам в этом поможет.

Подумав, громила кивнул:

– Хорошо, но забудь про переулок. Зайдем внутрь.

Ричер покачал головой:

– Нелогично, дружок. Мы платим вам за то, чтобы вы держались подальше от ресторана. Начиная с этой минуты, идет?

– Деньги у тебя с собой?

– А то как же, – подтвердил Ричер. – Две сотни зеленых.

Он первым направился в переулок, приглашая громил последовать за ним. Его встретил пар, выходящий из вентиляционных труб кухни. Пахло итальянскими блюдами. Под ногами хрустел мусор, и звук шагов отражался от старых кирпичных стен. Ричер остановился и обернулся, изображая нетерпеливого человека, который хочет поскорее покончить с делом. Силуэты громил вырисовывались на фоне красного сияния задних габаритных огней машин, стоявших на светофоре. Посмотрев на Ричера, громилы переглянулись и двинулись вперед, держась плечом к плечу. Вошли в переулок. Они были вполне спокойны. Крупные, уверенные ребята, держащие под пальто бейсбольные биты, двое против одного. Дождавшись их, Ричер пошел дальше, пересекая диагональную границу между светом и тенью. Снова остановился. Отступил в сторону, словно предлагая громилам пройти первыми. Словно оказывая им честь. Они пошли вперед. Приблизились.

Ричер ударил правого громилу локтем в висок. Существует множество биологических причин, почему надо было сделать именно так. По большому счету человеческий череп прочнее человеческой руки. При столкновении черепа с кистью руки рука пострадает больше. Так что локоть в этом отношении лучше. А висок лучше лба и затылка. Человеческий мозг переносит продольное смещение раз в десять лучше, чем поперечное. Тому причиной какие-то сложные особенности эволюционного процесса. Так что Ричер выбрал локоть и висок. Резкий, сильный удар был выполнен прекрасно, но громила на пару мгновений задержался вертикально на обмякших ногах. Затем он выпустил битку. Она вывалилась из-под пальто и с глухим стуком ударила концом об асфальт. Ричер ударил громилу еще раз. Тем же локтем. В тот же висок. Тот же резкий, сильный удар. Громила рухнул, словно у него под ногами раскрылся люк.

Второй громила среагировал быстро. Он схватил битку правой рукой, затем левой. Вытащил ее из-под пальто и замахнулся, но при этом совершил самую распространенную ошибку. Он занес битку слишком далеко назад и слишком низко, собираясь нанести мощный удар Ричеру в пах. Тут есть два слабых момента: выполнение удара с большим замахом требует времени, и от удара, нацеленного в среднюю часть туловища, легко защититься. Лучше бить вверх по голове или вниз по коленям.

Надежный способ перехватить удар бейсбольной битой состоит в том, чтобы подойти близко, причем как можно раньше. Сила удара является производной веса биты и ее скорости. Чистая математика. Произведение скорости на массу есть момент импульса. С массой биты ничего не поделаешь: бита будет весить одинаково независимо от того, где она находится. Так что необходимо погасить скорость. Для этого нужно подойти близко и перехватить битку, когда она только начинает путь сзади. В первую долю секунды ускорения, пока бита еще движется

медленно. Вот почему большой замах – это плохо. Чем дальше назад занесена бита, тем позже она сможет начать двигаться вперед. Тем больше времени для перехвата удара.

Когда бита пошла вперед, Ричер находился на расстоянии фута от нее. Проследив ее движение по дуге, он поймал битку обеими руками на уровне пояса. Пройдя расстояние всего в один фут, бита не успела набрать скорость. Вместо удара получился безобидный шлепок по ладоням. После чего весь импульс, который громила пытался вложить в битку, превратился в оружие против него. Ричер развернулся вместе с ним и потянул за битку, выводя парня из равновесия. Ударил его ногой по щиколотке, вырвал битку у него из рук и ею же нанес удар. Короткий прямой удар без замаха. Громила упал на колени и уткнулся головой в стену ресторана. Ричер пинком опрокинул его на спину, присел на корточки и зажал ему горло битой, наступая ногой на рукоятку и правой рукой держа рабочий конец.левой он обшарил карманы. Извлек пистолет, пухлый бумажник и сотовый телефон.

– Кто вас прислал? – спросил Ричер.

– Мистер Петросян, – выдавил громила.

Ричеру эта фамилия ни о чем не говорила. Он слышал о советском гроссмейстере Петросяне, чемпионе мира по шахматам. И о его однофамильце, гитлеровском генерале-танкисте. Но ни тот ни другой не занимались рэкетом в Нью-Йорке.

Ричер недоверчиво улыбнулся:

– Петросян? Ты что, издеваешься надо мной?

Он вложил в свой голос весь запас презрения, как будто в спектре вероятных конкурентов, о которых только могли подумать его боссы, Петросян находился так далеко, что его с трудом можно было различить.

– Скажи, что ты пошутил, – продолжил Ричер. – Петросян? Он что, спятил?

Первый громила зашевелился. Его руки и ноги пришли в замедленное движение. На мгновение перехватив битку в руку, Ричер освободил шею второго громилы и ударил первого по затылку. Меньше чем через полторы секунды бита вернулась на место. Второй громила начал задыхаться. Первый без чувств валялся на асфальте. Все не так, как в кино. После трех пропущенных ударов никто не продолжает драться. Тошнота и головокружение гарантированы минимум на неделю. Хорошо еще, если человек остается на ногах.

– Мы приготовили Петросяну послание, – тихо промолвил Ричер.

– Какое послание? – выдавил второй громила.

– Вас, – улыбнулся Ричер. Он достал из кармана этикетки и клей. – А теперь лежи очень тихо.

Громила оказался послушным. Он ощупал горло, но и только. Оторвав от этикетки защитную полоску, Ричер выдавил на пластиковую ленту толстый червячок клея и прижал этикетку ко лбу громилы. Дважды провел по ней пальцем. На этикетке было написано: «Ресторан „Мострос“ уже под крышей».

– Лежи смирно, – снова приказал Ричер.

Прихватив с собой битку, он схватил первого громилу за волосы и перевернул лицом вверх. Выдавил побольше клея и разгладил у него на лбу вторую этикетку: «Не лезьте на нашу территорию». Обшарив карманы, он собрал абсолютно идентичный урожай. Пистолет, бумажник, телефон. Плюс ключи от «мерседеса». Ричер дождался, чтобы громила снова зашевелился. Затем посмотрел на второго типа. Тот ползал на четвереньках, ощупывая этикетку на лбу.

– Оторвется только с кожей, – окликнул его Ричер. – Отправляйтесь и передайте наши лучшие пожелания мистеру Петросяну, после чего бегите в больницу.

Он повернулся к первому громиле. Выдавил ему на ладони остатки клея, сжал их и сосчитал до десяти. Такие вот химические наручники. Схватив громилу за шиворот, Ричер поднял

его на ноги и подержал вертикально до тех пор, пока тот снова не смог стоять. Затем бросил ключи от машины его напарнику.

– Похоже, машину вести тебе, – сказал он. – А теперь быстро проваливайте отсюда.

Громила стоял на месте, стреляя взглядом направо и налево.

Ричер покачал головой:

– Даже не думай об этом. А не то я оторву тебе уши и заставлю съесть их. И не возвращайтесь сюда. Никогда. Иначе пришлют кого-нибудь похуже меня. Сейчас я ваш лучший друг, ясно? Ты все понял?

Громила долго молча таращился на него. Наконец осторожно кивнул.

– Тогда проваливайте отсюда, – повторил Ричер.

У типа со склеенными руками были проблемы с ходьбой. Он все еще не пришел в себя. У второго были проблемы с тем, чтобы помогать своему дружку. Не было свободной руки, под которую он смог бы его подхватить. Постояв в недоумении, он поднырнул под склеенные руки и взвалил дружка на закорки. Шатаясь, громила побрел вперед и остановился у входа в переулок черным силуэтом на фоне уличных огней. Наклонившись вперед, он передвинул обмякшее тело на плечи и скрылся из виду.

Пистолеты оказались армейскими «Береттами М-9». Ричер сам носил такой пистолет долгих тринадцать лет. Серийный номер на «беретте» выбит на алюминиевой раме, прямо под надписью «Пьетро Беретта», выгравированной на затворе. На обоих пистолетах номера были стерты круглым напильником, которым водили от дула к спусковой скобе. Не слишком изящная работа. Оба магазина были полны блестящих латунных патронов «парабеллум». Разобрав пистолеты, Ричер бросил стволы, затворы и патроны в мусорный бак у двери кухни. Затем положил рамы на землю, насыпал грязи в спусковые механизмы и понажимал на спусковые крючки до тех пор, пока грязь не заклинила механизмы. После чего он бросил рамы в мусорный бак, разбил телефоны битой и оставил обломки на земле.

В бумажниках лежали кредитные карточки, водительские права и наличные. Всего в обоих долларов триста. Убрав наличные в карман, Ричер зашвырнул бумажники в темноту. Затем, улыбаясь, направился к улице. Оглянувшись. Черный «мерседес» уже исчез, как и не было. Ричер вошел в пустынный ресторан. Оркестр играл изо всех сил, тенор выводил героическую высокую ноту. Владелец сидел за стойкой, погруженный в раздумья. Он поднял взгляд. Тенор взял ноту, которую тут же подхватили скрипки, виолончели и басы. Выбрав из пачки отнятых денег десятку, Ричер бросил ее на стойку.

– За тарелку, которую они разбили, – сказал он. – Они передумали.

Владелец молча посмотрел на купюру. Развернувшись, Ричер вышел на улицу. На противоположной стороне он заметил пару из ресторана. Они стояли на тротуаре и следили за ним. Рыжеватый мужчина с усами и смуглая женщина с чемоданчиком. Они стояли, кутаясь в пальто, и смотрели на Ричера. Он подошел к своей машине и открыл дверцу. Сел за руль и завел двигатель. Оглянувшись. Мужчина и женщина по-прежнему следили за ним. Влившись в поток машин, Ричер надавил на газ. Проехав квартал, он взглянул в зеркало заднего вида и увидел, что смуглая женщина с чемоданчиком подошла к краю тротуара и вытянула шею, провожая его взглядом. Наконец она затерялась в море неоновых вывесок.

Глава 2

Гаррисон – небольшой городок на восточном берегу Гудзона, в округе Патнам; по шоссе от Трайбеки ровно пятьдесят восемь миль. Поздним осенним вечером дороги были свободными. Плата за въезд на турникете, пустые полосы, можно ехать с такой скоростью, с какой не страшно. Но Ричер вел машину осторожно. Он еще не привык к тому, что ему приходилось регулярно совершать путь из точки А в точку Б. Он еще не привык к тому, что у него были точки А и Б. Ричер чувствовал себя чужаком в этой вселенной оседлых жителей. И, подобно всем чужакам, он стремился держаться подальше от неприятностей. Поэтому Ричер ехал неторопливо, чтобы не привлекать внимания, позволяя запоздалым путникам обгонять его справа и слева. На пятьдесят восемь миль у него ушел один час семнадцать минут.

Улица, куда он приехал, была погружена в темноту, потому что она терялась в малонаселенной сельской глубинке. Ричер свернул к дому, скользнув лучами фар по толстым стволам деревьев, обступивших полосу асфальта. Высохшие пожелтелые листья казались неестественно яркими и живыми в электрическом свете. Ричер выполнил последний поворот, и фары, метнувшись к воротам гаража, прошли по двум машинам, которые застыли напротив гаража передом к выезду. Ричер судорожно надавил на тормоз. Машины зажгли фары, ослепляя его, а в зеркале заднего вида внезапно вспыхнул яркий свет. Ричер пригнулся, спасаясь от этой иллюминации, и увидел, как к нему со всех сторон бегут люди с мощными фонариками в руках. Обернувшись, он разглядел позади своей машины два седана, вспарывавших темноту лучами фар. Из седанов тоже высыпали люди и побежали к нему. Джип Ричера оказался распят в квадрате яркого света. Из мрака приближались люди с фонариками. Ричер различил у них в руках оружие, а поверх плащей темные бронежилеты. Некоторые фонарики были закреплены на стволах пистолетов-пулеметов. Джип окружили со всех сторон. Вооруженные люди освещались сзади яркими огнями фар. В воздухе клубился поднимающийся над рекой туман. Лучи света взрезали туман, пересекаясь и скрещиваясь в безумных узорах.

К левой передней дверце джипа приблизилась фигура. Рука постучала в стекло рядом с головой Ричера. Разжалась. Рука была маленькая, бледная и тонкая. Женская. Луч фонарика, упав прямо на ладонь, показал, что в ней зажат значок. Значок в форме щита, сверкающего золотом. На щите восседал золотой орел, повернувший голову влево. Фонарик приблизился к значку, и Ричер разглядел на щите выпуклые буквы, золотые на золоте: «Федеральное бюро расследований. Министерство юстиции США». Женщина прижала значок к окну, и он коснулся стекла с холодным металлическим стуком. Женщина закричала, обращаясь к Ричеру. Он услышал ее голос, доносящийся из темноты:

– Заглушите двигатель!

Ричер мог видеть только направленные на него лучи света. Заглушив двигатель, он услышал нетерпеливый хруст щебня дорожки под ногами.

– Положите руки на руль!

Ричер положил руки на руль и повернул голову к двери. Дверь открылась снаружи, и в салоне зажглась лампочка, осветив смуглую женщину из ресторана. Рыжеватый мужчина со светлыми усами стоял у нее за спиной. Женщина держала в одной руке значок ФБР, а в другой – пистолет. Пистолет был направлен Ричеру в голову.

– Выходите из машины! – приказала женщина. – Медленно, без резких движений.

Она отступила назад, следя дулом пистолета за движениями головы Ричера. Ричер повернулся, поставил ноги на подножку и на мгновение застыл, держась одной рукой за спинку сиденья, а другой за руль, готовый прыгнуть на землю. Перед собой в отсветах фар он разглядел не меньше полудюжины вооруженных людей. Вероятно, столько же сзади. Быть может, еще

несколько человек у дома. И у поворота на дорожку. Женщина отступила назад еще на шаг. Ричер выбрался из машины и выпрямился.

– Развернитесь, – приказала женщина. – Положите руки на крышу.

Ричер подчинился. Металл оказался холодным и скользким от ночной росы. Ричер ощутил, как опытные руки досконально ощупывают каждый дюйм его тела. Из кармана плаща у него вынули бумажник, из кармана брюк – отобранные у громил деньги. Его бесцеремонно отодвинули в сторону и вытащили ключ из замка зажигания.

– Теперь идите к машине, – окликнула женщина, указывая куда-то значком.

Полуобернувшись, Ричер увидел завязшие в тумане лучи фар всего в ярде от его ног. Один из седанов, стоявших перед гаражом. Он направился к машине. У него за спиной кто-то крикнул: «Обыщите джип!» Рядом с седаном у гаража стоял мужчина в темно-синем кевларовом бронежилете. Открыв заднюю дверь, он отступил назад. На заднем сиденье стоял чемоданчик, с которым была в ресторане смуглая женщина. Искусственная кожа с грубым тисненым рисунком. Согнувшись пополам, Ричер влез в машину и сел рядом с чемоданчиком. Мужчина в бронежилете захлопнул за ним дверь, и тотчас же открылась противоположная дверь и на заднее сиденье села женщина. Под расстегнутым плащом Ричер разглядел блузку и пиджак, черную короткую юбку. Услышал шелест нейлона и снова увидел пистолет, по-прежнему нацеленный ему в голову. Открылась передняя дверь; рыжеватый мужчина встал на колени на сиденье и протянул руку за чемоданчиком. Ричер успел заметить светлые волосы на запястье и полоску ремешка часов. Открыв чемоданчик, мужчина достал несколько листов бумаги. Включил фонарик и направил свет на бумагу. Ричер увидел плотно отпечатанный текст и свою фамилию, набранную крупными буквами вверху первой страницы.

– Ордер на обыск, – объяснила женщина. – Обыск вашего дома.

Рыжеватый мужчина вынырнул из машины и захлопнул дверь. В машине наступила тишина. Ричер услышал шаги в тумане, затихшие вдаль. Какое-то мгновение женщина была освещена светом фар сзади. Затем она протянула руку вперед и зажгла свет в салоне. Желтый и горячий свет. Женщина сидела боком, спиной к двери, направив пистолет на Ричера. Рука была согнута, локоть удобно покоился на подлокотнике, так что пистолет даже не дрожал. Это был «зиг-зауэр», большое, надежное и дорогое оружие.

– Поставьте ноги на пол всей ступней, – распорядилась женщина.

Ричер кивнул, понимая, чего она добивается. Прижимаясь спиной к дверце, он запихнул ступни под переднее сиденье. Его тело застыло в напряженной, неудобной позе; если он попытается сделать какое-то внезапное движение, это получится слишком медленно; и прежде чем он успеет что-то сделать, ему продырявят голову.

– Держите руки так, чтобы я их видела.

Ричер вытянул руки и обхватил ладонями подголовник переднего сиденья, а подбородок положил на плечо. Взглянул искоса на дуло «зиг-зауэра». Оно застыло на месте. За ним – палец женщины, напрягшийся на спусковом крючке. Еще дальше – ее лицо.

– Отлично, а теперь сидите и не двигайтесь.

Лицо женщины оставалось бесстрастным.

– Вы не поинтересовались, в чем дело, – сказала она.

«По крайней мере, то, что произошло час семнадцать минут назад, тут ни при чем, – сказал себе Ричер. – Организовать такую операцию за один час семнадцать минут невозможно». Он не двигался и продолжал молчать. Его беспокоили побелевшие от напряжения костяшки пальцев женщины, обвинившие спусковой крючок «зиг-зауэра». Мало ли что может случиться.

– Вы не хотите узнать, в чем дело? – спросила женщина.

Ричер равнодушно посмотрел на нее. «Я не в наручниках, – подумал он. – Почему?» Женщина пожалала плечами. «Хорошо, пусть будет по-твоему», – прочитал Ричер на ее лице. Лицо это нельзя было назвать красивым, но оно определенно было интересным. Женщине было

лет тридцать пять, но лицо уже успело покрыться морщинками, как будто ей постоянно приходилось прибегать к оживленной мимике. «Вероятно, она чаще хмурится, чем улыбается», – подумал Ричер. Ее иссиня-черные волосы были довольно редкими. Сквозь них проглядывала кожа черепа. Белая. Это придавало женщине усталый, нездоровый вид. Но ее глаза ярко светились. Женщина взглянула куда-то мимо Ричера, в темноту за окном, где ее люди деловито копошились в доме.

Она улыбнулась. Резцы у нее были кривые. Правый чуть косился вбок, наезжая на соседа. Любопытный прикус, позволяющий предположить некую решимость. Родители женщины не исправили этого в детстве, а повзрослев, она оставила все как есть. Наверняка у нее была возможность. Но она не захотела идти против природы. Вероятно, сделала правильный выбор. Это придало ее лицу своеобразие. В нем чувствовался характер.

Тело под мешковатым плащом было худым. Черный пиджак в тон юбке, кремовая блузка, свободно облегающая маленькую грудь. Судя по всему, блузка была синтетическая, неоднократно стиранный. Она перекрутилась вокруг талии. Женщина сидела полуобернувшись, и юбка задралась до бедер. Ноги под черным нейлоном были тонкие и упругие. Женщина держала колени вместе, но между бедрами оставалось пространство.

– Может, прекратите этим заниматься? – вдруг сказала она.

Ее голос стал холодным, и пистолет дрогнул.

– Чем? – спросил Ричер.

– Смотреть на мои ноги.

Он перевел взгляд на ее лицо:

– Вы не находите, что, если кто-то направил на меня пистолет, я должен осмотреть этого человека с головы до ног?

– Вам это доставляет удовольствие?

– Что?

– Смотреть на женщин?

Ричер пожал плечами:

– Это приятнее, чем смотреть на многое другое.

Пистолет придвинулся ближе.

– Осел, в этом нет ничего смешного. Мне не нравится, как вы на меня пялитесь.

Ричер недоуменно взглянул на нее:

– А как я на вас пялюсь?

– Сами знаете.

– Нет, не знаю, – покачал головой он.

– Как будто собираетесь за мной приударить, – сказала женщина. – Вы просто омерзительны!

Услышав прозвучавшее в ее голосе презрение, Ричер удивленно посмотрел на редкие волосы, хмурое лицо, кривые зубы, тощее, высушенное тело в этом нелепом дешевом подобии костюма деловой женщины.

– Вы считаете, я пытаюсь за вами приударить?

– А то нет? Разве вам этого не хотелось бы?

Ричер снова покачал головой:

– Нет, пока на улицах есть хотя бы одна собака.

Враждебное молчание длилось почти двадцать минут. Наконец рыжеватый мужчина с усами вернулся к машине и сел на переднее правое место. Открылась водительская дверца, и еще один мужчина сел за руль. В руке он держал ключ. Мужчина посмотрел в зеркало заднего вида, дожидаясь, когда женщина кивнет, после чего завел двигатель, объехал джип Ричера и направился к дороге.

– Мне дадут сделать один телефонный звонок? – спросил Ричер. – Или ФБР в эту чушь не верит?

Рыжеватый мужчина смотрел прямо перед собой.

– В течение первых двадцати четырех часов, – сказал он. – Мы позаботимся о том, чтобы вы не были лишены своих конституционных прав.

Всю дорогу назад до Манхэттена, пятьдесят восемь миль на большой скорости сквозь темноту и туман, женщина держала дуло «зиг-зауэра» направленным в голову Ричера.

Глава 3

Машина остановилась на подземной автостоянке где-то в южной части Центрального Манхэттена. Ричера заставили выйти в просторный гараж с белыми стенами, полный яркого света и одинаковых темных седанов. Женщина развернулась на месте, царапая каблуками бетонный пол. Внимательно осмотрела всю стоянку. Осторожный подход. Затем она указала на единственную черную дверь лифта в дальнем углу. Там ждали еще двое парней. Темные костюмы, белые рубашки, строгие галстуки. Пока женщина и рыжеватый мужчина пересекали наискосок стоянку, парни не отрывали от них глаз. На их лицах было написано почтительное уважение. Это были мелкие сошки. Но с другой стороны, они держались уверенно и с некоторым достоинством. Как будто хозяевами здесь были они. Внезапно Ричер понял, что женщина и рыжеватый мужчина не из Нью-Йорка. Они откуда-то приехали сюда. И сейчас действуют на чужой территории. Женщина осмотрела весь гараж не только из соображений осторожности. Она просто не знала, где лифт.

Ричера поставили в центр кабины лифта и окружили со всех сторон. Женщина, рыжеватый мужчина, водитель, двое местных парней. Пять человек, пять пистолетов. Четверо мужчин рассредоточились по углам, а женщина осталась стоять посередине, рядом с Ричером, словно показывая всем, что это ее добыча. Один из местных парней нажал кнопку, двери закрылись, и кабина пришла в движение.

Она долго поднималась вверх и резко остановилась, когда на указателе зажглась цифра 21. Двери с глухим стуком раскрылись, и местные парни первыми шагнули в пустынный коридор. Он был серым. Тонкая серая ковровая дорожка, серая краска на стенах, серый свет. В коридоре царила полная тишина, как будто все, кроме самых закоренелых трудоголиков, разошлись по домам еще несколько часов назад. Вдоль стены на равном расстоянии друг от друга тянулись закрытые двери. Мужчина, который сидел за рулем седана по дороге из Гаррисона в город, остановился перед третьей дверью и открыл ее. Ричера подвели к двери. Он увидел пустое помещение размером футов двенадцать на шестнадцать, с бетонным полом и стенами, покрытыми матовой серой краской, словно борт боевого корабля. Потолок оставался недоделан: виднелись трубки с проводами, квадратные воздуховоды из тонкой жести. Подвешенные на цепях лампы дневного света отбрасывали бледное сияние на серую краску. В углу стояло одинокое пластиковое садовое кресло. Другой обстановки в комнате не было.

– Садитесь, – сказала женщина.

Ричер прошел в противоположный от кресла угол и уселся на пол, прислонившись спиной к бетонной стене. Бетон был холодным, краска скользкой. Ричер скрестил руки на груди и вытянул ноги, положив одну на другую. Запрокинул голову назад под углом сорок пять градусов к плечам, чтобы смотреть прямо на тех, кто остался стоять у двери. Четверо агентов вышли в коридор и закрыли дверь. Ричер не услышал звука защелкнувшегося замка, но в этом не было необходимости, поскольку с внутренней стороны двери ручка отсутствовала.

Сквозь бетонный пол Ричер ощутил слабую дрожь удаляющихся шагов. Затем он остался наедине с тишиной, лишь едва слышно шелестел воздух из вентиляции в потолке. Ричер просидел в полной тишине минут пять, после чего снова ощутил шаги. Дверь приоткрылась, в комнату заглянул мужчина и уставился на Ричера. Он был постарше, его крупное красное лицо, покрытое пятнами, одутловатое от повышенного давления, излучало враждебность. Взгляд мужчины красноречиво говорил: «Значит, это и есть тот, кого мы искали?» Мужчина таращился на Ричера три или четыре долгие секунды, потом дверь захлопнулась и снова наступила тишина.

То же самое повторилось минут через пять. Шаги в коридоре, лицо в двери, такой же окровавленный взгляд: «Значит, это тот, кого мы искали». Теперь лицо было узкое и смуглое и

более молодое. Ниже – рубашка и галстук, пиджака нет. Ричер спокойно выдержал взгляд. Три или четыре секунды. Лицо исчезло, и дверь захлопнулась.

На этот раз тишина продолжалась дольше, где-то около двадцати минут. Затем появилось третье лицо. Шаги, шелканье дверной ручки, дверь открылась, пристальный взгляд: «Это тот, кого мы искали, да?» Третье лицо снова оказалось постарше: мужчина лет пятидесяти с лишним, уверенный, с густыми седыми волосами. Мужчина был в очках с толстыми стеклами, и глаза за ними оставались спокойными. В них ощущалась работа мысли. Похоже, этот мужчина привык к грузу ответственности. Наверное, какой-то начальник. Ричер устало посмотрел на него. Слов по-прежнему не было. Общение отсутствовало. Мужчина долго смотрел на Ричера, затем его лицо исчезло, и дверь снова закрылась.

То, что происходило за дверью – чем бы это ни было, – продолжалось почти целый час. Ричер сидел один в комнате, предоставленный самому себе, уютно устроившись на полу, и ждал. Наконец ожиданию настал конец. По коридору возбужденным стадом прошла целая толпа. Ричер ощутил топот и шарканье ног. Дверь открылась, и в комнату вошел седой мужчина в очках. Задержавшись одной ногой на пороге, он перенес весь свой вес на другую, наклоняясь вперед.

– Пора поговорить, – сказал мужчина.

Два младших агента протиснулись мимо него и встали по сторонам, будто эскорт. Подождав немного, Ричер рывком поднялся с пола и вышел из угла.

– Я хочу позвонить, – сказал он.

Седой покачал головой:

– Звонки будут потом. Сначала поговорим, ладно?

Ричер пожал плечами. Вся проблема с нарушением конституционных прав заключается в том, что должны быть свидетели. Только в этом случае можно что-либо доказать. А два молодых агента ничего не видели и не слышали. Или, может быть, они видели спустившегося с небес Моисея, читающего текст Конституции по каменным табличкам. Возможно, впоследствии они подтвердят под присягой, что видели именно это.

– Так что пошли, – заключил седой.

Ричера вывели в серый коридор, где его сразу же обступила целая толпа. Там были и женщина, и рыжеватый мужчина с усами, и пожилой мужчина с повышенным давлением, и молодой парень с узким лицом. Толпа гудела, словно растревоженный улей. Дело было уже к ночи, но эти люди пребывали в крайней стадии возбуждения. Они буквально парили по воздуху, опьяненные успехом. Ричеру было хорошо знакомо это чувство. Он сам его испытывал, и не раз.

Однако он заметил, что толпа разделена. Здесь были по меньшей мере две группы. Отношение между ними было напряженным. Это стало очевидно, когда Ричера повели по коридору. Женщина почти прилипла к его левому плечу, рыжеватый мужчина и гипертоник не отставали от нее. Это была одна группа. Справа от Ричера шел парень с узким лицом. Он один представлял собой вторую группу. Численный перевес был явно не на его стороне, и парень был от этого не в восторге. Ричер ощущал руку парня у своего локтя, словно тот был готов схватить его и объявить своей добычей.

Они прошли по узкому серому коридору, напоминающему внутренности боевого корабля, и влились в серую комнату, почти все пространство которой занимал длинный стол. Оба конца этого длинного стола были изогнуты в одну сторону и резко обрублены. Вдоль длинной стороны спинками к двери стояли в ряд семь пластиковых кресел, довольно далеко друг от друга, а напротив них, прямо посередине между загнутыми концами, стояло еще одно, в точности такое же кресло.

Ричер задержался в дверях. Нетрудно было догадаться, какое место предназначалось ему. Обогнув стол, он занял одинокое кресло. Оно оказалось хлипким. Ножки задрожали под весом

Ричера, пластмассовая спинка впиалась в мышцы под лопатками. В этой комнате стены также были бетонными, выкрашенными серой краской, но здесь потолок был доделан. Квадратные звукоизолирующие плитки, под ними светильники, большая лампа, направленная на место, где сидел Ричер. Крышка стола была из дешевой имитации красного дерева, покрытой толстым слоем блестящего лака. Отраженный от лакировки свет бил Ричеру в глаза.

Два младших агента заняли места у стен в противоположных концах стола, словно часовые. Под расстегнутыми пиджаками виднелись кобуры под мышками. Руки уютно покоились на коленях. Головы были повернуты к Ричеру. Две группы расселись напротив. Семь кресел, пять человек. Седой уселся в центре. Свет, упав на стекла очков, превратил их в непрозрачные зеркала. Справа от седого сел гипертоник, затем женщина, потом рыжеватый мужчина. Парень с узким лицом и без пиджака уселся в среднее из трех кресел слева. Однобокая инквизиция, плохо различимая сквозь бьющий в глаза яркий свет.

Седой мужчина подался вперед и положил руки на блестящую поверхность стола, показывая свое доминирующее положение и подсознательно разделяя фракции справа и слева от себя.

– Мы из-за вас чуть не подрались, – начал он.

– Я арестован? – спросил Ричер.

Седой покачал головой:

– Нет, пока что не арестованы.

– Значит, я могу уйти?

Седой посмотрел на него поверх очков:

– Ну, мы бы предпочли, чтобы вы остались здесь и помогли цивилизованно решить нашу проблему.

Последовало долгое молчание.

– Что ж, будем вести себя цивилизованно, – наконец сказал Ричер. – Я Джек Ричер. А вы кто такие?

– Что?

– Давайте представимся друг другу. Именно так ведут себя цивилизованные люди, правильно? Они представляются. А потом вежливо разговаривают о футболе, фондовой бирже и тому подобном.

Новая пауза. Затем седой кивнул.

– Я Алан Дирфилд, – сказал он. – Заместитель директора ФБР. Руководжу нью-йоркским оперативным отделением.

Повернув голову вправо, он пристально посмотрел на рыжеватого мужчину.

– Специальный агент Тони Пултон, – наконец сказал тот и бросил взгляд влево.

– Специальный агент Джулия Ламарр, – сказала женщина, в свою очередь поворачиваясь влево.

– Старший агент Нельсон Блейк, – представился гипертоник. – Мы из Куантико. Я возглавляю отдел серийных преступлений. Специальные агенты Пултон и Ламарр работают у меня. Мы приехали сюда, чтобы поговорить с вами.

Наступила пауза. Мужчина по фамилии Дирфилд повернулся в другую сторону и посмотрел на парня, сидевшего слева от него.

– Старший агент Джеймс Козо, – сказал тот. – Отдел по борьбе с организованной преступностью здесь, в Нью-Йорке. Занимаюсь рэкетом.

Опять молчание.

– Теперь все в порядке? – спросил Дирфилд.

Ричер прищурился, спасаясь от яркого света. Все смотрели на него. Рыжеватый мужчина, Пултон. Женщина, Ламарр. Гипертоник, Блейк. Все трое из отдела серийных преступлений из Куантико. Приехали сюда, чтобы поговорить с ним. Затем Дирфилд, глава нью-йоркского

отделения, тяжеловес. И наконец, долговязый Козо из отдела по борьбе с организованной преступностью, занимается рэкетом. Ричер медленно перевел взгляд слева направо, затем справа налево, остановился на Дирфилде и кивнул:

– Теперь все в порядке. Рад с вами познакомиться. Можно перейти к футболу. Что насчет «Янкиз»? Вам не кажется, что им нужны свежие игроки?

На лицах пяти смотревших на него людей появилось пять разных выражений недовольства. Пултон дернул головой, словно получив пощечину. Ламарр презрительно фыркнула. Блейк поджал губы и покраснел еще больше. Дирфилд вздохнул. Козо искоса бросил взгляд на Дирфилда, прося разрешения вмешаться.

– Мы не будем обсуждать игру «Янкиз», – сказал Дирфилд.

– Тогда что вы скажете насчет индекса Доу-Джонса? В ближайшее время он не собирается резко упасть?

Дирфилд тяжело вздохнул:

– Ричер, не выводите меня из себя. В настоящий момент я ваш лучший друг.

– Нет, мой лучший друг – это Эрнесто А. Миранда, – возразил Ричер. – Дело «Миранда против штата Аризона», по которому Верховный суд принял решение в июне тысяча девятьсот шестьдесят шестого года. Суд постановил, что были нарушены права Миранды, которые гарантировала Пятая поправка к Конституции, поскольку полицейские не предупредили его, что он может хранить молчание и воспользоваться услугами адвоката.

– И что с того?

– А то, что вы не можете говорить со мной до тех пор, пока не зачитаете мне «права Миранды». После чего вы все равно не сможете говорить со мной, потому что моему адвокату потребуется какое-то время на то, чтобы приехать сюда, но даже когда она приедет, то все равно не разрешит мне говорить с вами.

Трое агентов из отдела серийных преступлений широко улыбнулись. Как будто Ричер пытался доказать им какую-то очевидную истину.

– Ваш адвокат – Джоди Джейкоб? – спросил Дирфилд. – Ваша подруга?

– Что вам известно о моей подруге?

– О вашей подруге нам известно все, – заверил его Дирфилд. – Точно так же как нам известно все о вас.

– В таком случае почему вам так не терпится поговорить со мной?

– Она работает в фирме «Спенсер и Гутман», – продолжил Дирфилд. – У нее отличная репутация. Поговаривают о том, чтобы сделать ее младшим партнером, вы знаете?

– Слышал.

– Возможно, это произойдет в ближайшее время.

– Слышал, – повторил Ричер.

– Однако знакомство с вами вряд ли пойдет ей на пользу. Вас едва ли можно назвать идеальным мужем для деловой женщины, вы согласны?

– Меня вообще едва ли можно назвать чьим-либо мужем.

Дирфилд улыбнулся:

– Это просто образное выражение, только и всего. Но «Спенсер и Гутман» предпочитает работать в белых перчатках. Знаете, фирма обращает внимание на любые мелочи. Но она в первую очередь занимается финансами, верно? В банковском мире ее имя хорошо известно. А вот в уголовных делах у фирмы никакого опыта. Вы точно хотите, чтобы в такой ситуации ваши интересы представляла мисс Джейкоб?

– В какой ситуации?

– В такой, в какой вы оказались.

– А в какой ситуации я оказался?

– Эрнесто А. Миранда был человеком недалеким, вам это известно? – сказал Дирфилд. – У него определенно были не все дома. Вот почему Верховный суд отнесся к нему так снисходительно. Он был неполноценным, и поэтому его потребовалось оберегать. А вы, Ричер, тоже человек недалекий? Умственно неполноценный?

– Вполне возможно, раз мне приходится терпеть этот вздор.

– И вообще, права – это для виновных. Вы уже признаёте себя в чем-то виновным?

Ричер покачал головой:

– Я ни в чем не признаюсь. Мне не в чем признаваться.

– Кстати, а старина Эрнесто отправился-таки в тюрьму, знаете? Об этом как-то склонны забывать. Его судили повторно и вынесли обвинительный приговор. Он отсидел пять лет. И знаете, что случилось с ним дальше?

Ричер ничего не ответил.

– Я тогда как раз работал в Финиксе, – продолжил Дирфилд. – В Аризоне. В отделе расследования убийств полиции города. Как раз перед тем, как перейти в Бюро. В январе тысяча девятьсот семьдесят шестого года нас вызвали в один бар. На полу валялся кусок дерьма, из которого торчал засунутый по самую рукоятку длинный нож. Это оказался знаменитый Эрнесто А. Миранда, обливший кровью все вокруг. Никто даже пальцем не пошевелил, чтобы вызвать «скорую помощь». Старина Эрнесто скончался через пару минут после того, как мы приехали.

– Ну и что?

– А то, что перестаньте испытывать мое терпение. Я уже потерял целый час, успокаивая этих ребят, которые чуть было не перессорились из-за вас. Так что теперь вы передо мной в долгу. Поэтому отвечайте на их вопросы, а я скажу, когда вам понадобится чертов адвокат и понадобится ли он вообще.

– Что за вопросы?

Дирфилд улыбнулся:

– Что за вопросы? Ну, мы хотим кое-что узнать, вот что за вопросы.

– И что вы хотите узнать?

– Мы хотим узнать, интересны ли вы нам.

– С чего это я могу представлять для вас интерес?

– Ответьте на наши вопросы, и мы это выясним.

Ричер задумался. Положил руки на стол ладонями вверх.

– Ладно. Какие у вас ко мне вопросы?

– Вероятно, вам известно и дело «Брюэр против Уильямса»? – спросил мужчина по фамилии Блейк.

Пожилый, излишне полный, в плохой форме, но его губы шевелились достаточно быстро.

– И «Дакуорт против Игана»? – подхватил Пултон.

Ричер посмотрел на него. Пултону было лет тридцать пять, но он казался моложе – один из тех мужчин, кто остается молодым бесконечно долго. Словно его законсервировали после окончания колледжа. В оранжеватом свете ламп его костюм приобрел жуткий оттенок, а усы казались фальшивыми, приклеенными.

– Или дело «Штат Иллинойс против Перкинса»? – подала голос Ламарр.

Ричер перевел взгляд на нее:

– Вы что, решили устроить мне экзамен по юриспруденции?

– А как насчет дела «Минник против штата Миссисипи»? – продолжил Блейк.

– «Макнил против штата Висконсин»? – с улыбкой сказал Пултон.

– «Штат Аризона против Фулминанта»? – спросила Ламарр.

– Вам известна суть этих дел? – подвел итог Блейк.

Ричер задумался, пытаясь найти ловушку, но так ничего и не обнаружил.

– Последующие решения Верховного суда, – наконец сказал он. – Продолжение дела Миранды. Дело Брюэра разбиралось в тысяча девятьсот семьдесят седьмом году, Дакуорта – в восемьдесят девятом, Перкинса и Минника – в девяностом, Макнила и Фулминанта – в девяносто первом. Во всех этих делах первоначальное решение по делу Миранды уточнялось и переформулировалось.

Блейк кивнул:

– Замечательно.

Ламарр подалась вперед. Отблеск от сверкающей поверхности стола осветил ее лицо снизу, придав ему сходство с черепом.

– Вы были знакомы с Эми Каллан? – спросила она.

– С кем?

– Ты прекрасно все расслышал, сукин сын.

Ричер недоуменно посмотрел на нее. Затем женщина по имени Эми Каллан медленно вынырнула из прошлого. Вероятно, это отобразилось у него на лице, потому что на тощем лице Ламарр застыла довольная усмешка.

– Но теплых чувств вы к ней не испытывали? – спросила она.

Наступила тишина.

– Хорошо, теперь моя очередь, – заговорил Козо. – На кого вы работаете?

Ричер медленно перевел взгляд направо и задержал его на Козо.

– Я ни на кого не работаю, – сказал он.

– «Не лезьте на нашу территорию», – процитировал Козо. – «На нашу» – множественное число. Один человек про себя так не говорит. Ричер, кто эти «мы»?

– Никаких «мы» нет.

– Чушь, Ричер. Петросян протянул руку к тому ресторану, но вы уже были там. Кто вас послал?

Ричер ничего не ответил.

– А что насчет Кэролайн Кук? – вмешалась Ламарр. – С ней вы тоже были знакомы?

Ричер медленно развернулся к ней. Она продолжала улыбаться.

– Но к ней вы тоже не испытывали теплых чувств, правда?

– Каллан и Кук, – повторил Блейк. – Ричер, выдайте все о них с самого начала, хорошо?

Ричер недоуменно посмотрел на него:

– Выдать что?

Опять молчание.

– Кто послал вас в ресторан? – снова заговорил Козо. – Выкладывайте все начистоту, и я постараюсь добиться для вас смягчения.

Ричер снова повернулся к нему:

– Меня никто никуда не посылал.

Козо покачал головой:

– Чушь, Ричер. Вы живете в особняке стоимостью в полмиллиона долларов на берегу реки в престижном районе Гаррисона и ездите на новеньком джипе стоимостью сорок пять тысяч. При этом, насколько известно налоговой службе, вы не заработали ни цента за последние три года. А когда кому-то понадобилось отправить в больницу лучших ребят Петросяна, для этой цели пригласили вас. Из всего этого нетрудно заключить, что вы на кого-то работаете, и я хочу знать, на кого именно.

– Я ни на кого не работаю, – повторил Ричер.

– Вы одиночка? – спросил Блейк. – Вы хотите сказать именно это?

– Наверное, – ответил Ричер и повернулся к Блейку.

Тот удовлетворенно улыбнулся:

– Я так и думал. Когда вы уволились из армии?

Ричер пожал плечами:

- Около трех лет назад.
- А сколько прослужили?
- Всю свою жизнь. Сначала был сыном военного, затем стал военным сам.
- Вы служили в военной полиции?
- Да.
- Быстро продвигались по службе?
- Я был майором.
- Медали?
- Несколько.
- В том числе «Серебряная звезда»?
- Да.
- То есть первоклассная карьера?

Ричер промолчал.

- Не скромничайте, – надавил на него Блейк. – Признайтесь.
- Да, моя карьера складывалась хорошо.
- В таком случае почему вы уволились?
- Это мое дело.
- Вы не хотите о чем-то говорить?
- Вы все равно не поймете.

Блейк улыбнулся:

- Итак, три года. И чем вы занимались?

Ричер снова пожал плечами:

- Да так, ничем. Наверное, просто получал удовольствие от жизни.
- Работали?
- Нечасто.
- Просто бродили по стране?
- Наверное.
- И на что вы жили?
- На сбережения.
- Они закончились три месяца назад. Мы проверили в вашем банке.
- Ну, со сбережениями такое случается, согласитесь.
- В настоящий момент вы живете на средства мисс Джейкоб, правильно? Вашей подруги и вашего адвоката. Вас не терзает совесть?

Прищурившись, Ричер посмотрел на обшарпанное обручальное кольцо, стиснувшее пухлый розовый палец Блейка.

- Наверное, не больше, чем вашу жену, которая живет на ваши средства.

Нахмурившись, Блейк помолчал.

- Значит, вы уволились из армии и с тех пор ничем особо не занимались?
- Да.
- В основном были предоставлены сами себе.
- В основном.
- Вас это устраивало?
- Вполне.
- Потому что вы одиночка.
- Чушь, он на кого-то работает, – вмешался Козо.
- Черт возьми, этот человек утверждает, что он одиночка! – огрызнулся Блейк.

Дирфилд поворачивал голову то вправо, то влево, словно судья в теннисе, следящий за полетом мяча. Стекла его очков сверкали в отраженном свете. Наконец он поднял руку, призывая к тишине, и остановил свой взгляд на Ричере.

– Расскажите про Эми Каллан и Кэролайн Кук.

– Что рассказывать? – спросил Ричер.

– Вы ведь знали этих женщин?

– Ну да. Это было давно, когда я служил в армии.

– Вот и расскажите про них.

– Каллан была маленькой брюнеткой, Кук высокой блондинкой. Каллан была сержантом, Кук – лейтенантом. Каллан работала секретарем в службе снабжения, а Кук служила в разведке.

– Где?

– Каллан служила в Форт-Уайте под Чикаго. Кук – в штаб-квартире НАТО в Бельгии.

– У вас был секс с ними? – спросила Ламарр.

Ричер пристально посмотрел на нее:

– Что это за вопрос?

– Прямой.

– Хорошо. Нет, не было.

– Они обе были симпатичными, верно?

Ричер кивнул:

– Посимпатичнее вас, это уж точно.

Ламарр отвела взгляд и замолчала. Вместо нее заговорил густо покрасневший Блейк:

– Они были знакомы друг с другом?

– Сомневаюсь. В армии больше миллиона человек, а эти женщины служили в ней в разное время, да еще за тысячи миль друг от друга.

– И между вами и ними не было сексуальных отношений?

– Нет, не было.

– Вы пытались с ними сблизиться?

– Нет, не пытался.

– Почему? Боялись получить отказ?

– Если уж вам так хочется знать, – ответил Ричер, – в обоих случаях у меня в этот момент была другая женщина, а с меня обычно хватает одной.

– Вы бы хотели заняться сексом с этими женщинами?

На губах Ричера мелькнула улыбка.

– Существуют вещи и похуже.

– Каллан и Кук согласились бы?

– Может, согласились бы, а может, и нет.

– А вы как думаете?

– Вы служили в армии?

Блейк покачал головой.

– В таком случае вы не знаете, как там решаются эти вопросы. В армии большинство людей вступит в половые отношения со всем, что шевелится.

– Значит, вы полагаете, что Каллан и Кук не отвергли бы вас?

Ричер посмотрел Блейку прямо в глаза:

– Да, я не думаю, чтобы с этим возникли какие-либо проблемы.

Наступило долгое молчание.

– Как вы относитесь к тому, что женщины служат в армии? – наконец спросил Дирфилд.

Ричер перевел на него взгляд:

– Что?

– Отвечайте на мой вопрос, Ричер. Как вы относитесь к тому, что женщины служат в армии?

– А как я могу к этому относиться?

– Вы полагаете, из них получаются хорошие военные?

– Глупый вопрос, – сказал Ричер. – Вам самому это прекрасно известно.

– Мне?

– Вы ведь воевали во Вьетнаме?

– Я?

– Уверен, что воевали, – сказал Ричер. – Вы сказали, что в тысяча девятьсот семьдесят шестом году работали в полиции штата Аризона и вскоре после этого перешли в Бюро. Вряд ли вам это удалось бы, если бы вы уклонялись от призыва. По крайней мере, в то время и в тех краях. Так что вы совершили экскурсию в Индокитай году этак в семидесятом или в семьдесят первом. С вашим зрением в авиации вам делать нечего. С такими очками вам прямая дорога в пехоту. И в этом случае вас целый год гоняли по джунглям, причем добрая треть тех, кто давал вам жизни, были женщины. Из них получаются отличные снайперы, правда? Насколько я слышал, очень упорные и усидчивые.

Дирфилд медленно кивнул:

– То есть вам нравятся женщины-военные.

Ричер пожал плечами:

– Если вам нужны солдаты, в большинстве случаев женщины справятся с задачей ничуть не хуже мужчин. Вспомните Вторую мировую, русский фронт. У женщин там получалось совсем неплохо. Вам приходилось бывать в Израиле? Там женщины тоже на передовой, и мало какие американские части смогут сражаться на равных с израильской армией.

– Значит, вы не видите никаких проблем?

– Лично я – нет.

– Но есть какие-то проблемы помимо личных?

– Наверное, есть еще военные проблемы, – сказал Ричер. – Опыт Израиля показывает, что пехотинец, идущий в атаку, останавливается в десять раз чаще, чтобы помочь раненому товарищу, если этот товарищ – женщина. Это замедляет наступление. Приходится специально отучивать от этого.

– Вы считаете, солдат не должен помогать раненому товарищу? – презрительно спросила Ламарр.

– Должен, но в первую очередь надо думать о том, чтобы выполнить боевую задачу.

– То есть если бы мы с вами шли в атаку и меня бы ранили, вы бы просто меня бросили?

Ричер улыбнулся:

– Вас – без колебаний.

– Как вы познакомились с Эми Каллан? – спросил Дирфилд.

– Думаю, вам это уже известно.

– И все равно расскажите. Для протокола.

– А наш разговор протоколируется?

– Можете не сомневаться.

– И вы еще не зачитали мои права?

– В протоколе будет указано, что мы первым делом сообщили вам все ваши права.

Ричер никак не отреагировал.

– Расскажите нам про Эми Каллан, – снова сказал Дирфилд.

– Она обратилась ко мне с проблемой, с которой столкнулась в своей части.

– Что это была за проблема?

– Сексуальное домогательство.

– Вы отнеслись к Каллан с сочувствием?

- Да.
- Почему?
- Потому что я никогда не подвергался насилию из-за своего пола. Не понимаю, почему в случае с Каллан все должно было быть иначе.
- И что вы сделали?
- Арестовал офицера, которого она обвинила.
- А что вы сделали потом?
- Ничего. Я был полицейским, а не следователем. Я передал дело в военную прокуратуру.
- И чем все закончилось?
- Офицер выиграл процесс. Эми Каллан пришлось уйти из армии.
- Но карьера офицера все равно была разрушена.
- Да, – ответил Ричер.
- И как вы к этому отнеслись?
- Со смешанным чувством. Насколько мне было известно, это был хороший парень. Но в конце концов я поверил не ему, а Каллан. На мой взгляд, он был виновен. Так что, наверное, я был рад, когда он уволился. С другой стороны, все вышло очень некрасиво. Вердикт «невиновен» не должен рушить карьеру.
- Значит, вам было его жалко?
- Нет, мне было жалко Каллан. И мне было жалко армию. История получилась очень неприятная. В итоге оказались загублены две карьеры, хотя можно было бы обойтись одной.
- А что насчет Кэролайн Кук?
- С Кук дело обстояло иначе.
- То есть?
- Другое время, другое место. Это случилось за границей. Кэролайн Кук была в близких отношениях с одним полковником. Это продолжалось около года. По-моему, все было по обоюдному согласию. Кук подняла шум позже, когда не получила повышения.
- И в чем же тут отличие?
- В том, что одно никак не было связано с другим. Тот полковник трахал Кук потому, что она сама была рада этому, а повышение она не получила потому, что недостаточно хорошо справлялась со своей работой. Эти две вещи между собой никак не связаны.
- Быть может, Кук считала, что полковник должен был расплатиться с ней за год любовных утех.
- В таком случае речь могла идти только о нарушении договорных обязательств. Все равно как если бы клиент надул проститутку. Но сексуальные домогательства тут ни при чем.
- Значит, вы не предприняли никаких мер?
- Ричер покачал головой:
- Нет, я арестовал полковника, поскольку к этому времени порядки изменились. Сексуальные отношения между начальником и подчиненным были объявлены вне закона.
- И?..
- Полковника с позором уволили, жена его бросила, и он покончил с собой. Но Кук тоже пришлось расстаться с армией.
- А что случилось с вами?
- Я получил перевод из штаб-квартиры НАТО.
- Почему? Вы были разочарованы таким оборотом дела?
- Нет, я понадобился в другом месте.
- Кому? Почему именно вы?
- Потому что я был хорошим следователем. В Бельгии я напрасно терял время. В Бельгии ничего не происходит.

– После этого вам часто приходилось встречаться со случаями сексуальных домогательств?

– Естественно. Это стало очень распространенным явлением.

– И у многих хороших парней из-за этого оказалась поломана карьера? – спросила Ламарр.

Ричер повернулся к ней:

– Были и такие. По сути дела, началась охота на ведьм. На мой взгляд, большинство дел были обоснованными, но под горячую руку попадали и невинные. Нормальные человеческие отношения двух людей вдруг оказывались противозаконными. Просто потому, что изменились правила. Среди невинных жертв были в основном мужчины. Но встречались и женщины.

– В общем, это был настоящий бардак, да? – сказал Блейк. – И началось все с таких надоедливых женщин, как Каллан и Кук?

Ричер промолчал. Козо забарабанил пальцами по столу:

– Я все-таки хочу вернуться к вашим отношениям с Петросяном.

Ричер развернулся к нему:

– Никаких отношений с Петросяном у меня нет. Я никогда не слышал ни о каких Петросянах.

Дирфилд зевнул и посмотрел на часы. Сдвинув очки на лоб, он протер глаза кулаками.

– Уже полночь, вы знаете? – сказал он.

– Вы обращались с Каллан и Кук вежливо? – снова заговорил Блейк.

Прищурившись, Ричер бросил взгляд против света на Козо, затем снова повернулся к Блейку. Яркий желтый свет сверху отражался от красноватой полировки и делал его одутловатое лицо багровым.

– Да, я обращался с ними вежливо.

– Вы встречались с ними после того, как передали их дела прокурору?

– Наверное, раза два-три, мимоходом.

– Они вам доверяли?

Ричер пожал плечами:

– Думаю, да. Моя работа состояла в том, чтобы заставить их поверить мне. Мне нужно было вытягивать из них самые интимные подробности.

– Вам часто приходилось разбирать подобные дела?

– Они исчислялись сотнями. Думаю, пара десятков прошло через меня, пока не создали специальное подразделение.

– Назовите еще какую-нибудь женщину, чье дело вы разбирали.

Пожав плечами, Ричер мысленно перебрал свои кабинеты в жарких странах, в холодных странах, с большими письменными столами, с маленькими письменными столами, за окном кабинета солнце, за окном кабинета тучи, а перед столом оскорбленные и разъяренные женщины, рассказывающие подробности того, что с ними произошло.

– Ну, например, Рита Симека, – наконец сказал он.

Блейк переглянулся с Ламарр; та нагнулась и достала из чемоданчика толстую папку. Положила ее на стол. Блейк взял папку и стал ее листать. Провел пухлым пальцем по длинному списку и кивнул:

– Хорошо. И что произошло с мисс Симекой?

– С лейтенантом Симекой, – поправил Ричер. – Это было в Форт-Брэгге, штат Джорджия. Ребята назвали случившееся неудачной шуткой, она назвала это групповым изнасилованием.

– И чем все кончилось?

– Симека выиграла дело. Трое человек отправились за решетку, а потом были с позором уволены.

– А что стало с лейтенантом Симекой?

Ричер в который раз пожал плечами:

– Сначала она была вполне довольна исходом дела. Чувствовала себя отмищенной. Затем пришла к выводу, что армейская служба для нее безнадежно испорчена, и уволилась.

– Где она сейчас?

– Понятия не имею.

– Предположим, вы с ней где-нибудь встретитесь. Например, приедете в какой-то город и увидите ее в магазине или ресторане. Как она отреагирует?

– Вот уж не знаю. Наверное, поздоровается. Возможно, мы немного поболтаем, где-нибудь посидим.

– Она будет рада вас видеть?

– Думаю, да.

– Потому что она запомнила вас как хорошего парня?

Ричер кивнул:

– Ей пришлось пройти через ад. И я имею в виду не только то, что с ней случилось, но и судебный процесс. Так что следователю приходится устанавливать особую связь с потерпевшим. Он должен быть ему другом и опорой.

– Значит, жертвы становились вашими друзьями?

– Да, если я делал все правильно.

– Как вы думаете, что произойдет, если вы постучитесь домой к лейтенанту Симеке?

– Я не знаю, где она живет.

– Предположим, вы это узнаете. Она вас впустит?

– Не знаю.

– Она вас узнает?

– Скорее всего.

– И вспомнит, что вы друг?

– Думаю, да.

– Итак, если вы постучите к ней в дом, она вас впустит, верно? Откроет дверь, увидит своего старого друга, впустит вас к себе и угостит кофе или еще чем-нибудь. Поговорит с вами о старых временах.

– Возможно, – сказал Ричер. – Вероятно.

Блейк удовлетворенно замолчал. Ламарр тронула его за руку, он наклонился к ней и выслушал то, что она нашептала ему на ухо. Кивнув, Блейк повернулся к Дирфилду и в свою очередь принялся нашептывать ему на ухо. Дирфилд взглянул на Козо. При этом трое агентов из Куантико откинулись назад – едва заметное движение, которое, однако, красноречиво говорило: «Отлично, мы заинтересованы». Козо встревоженно посмотрел на Дирфилда. Тот подался вперед, уставившись сквозь стекла очков прямо на Ричера:

– Ситуация очень затруднительная.

Ричер ничего не ответил. Молча сидел и ждал.

– Что именно произошло в ресторане? – спросил Дирфилд.

– Ничего.

Дирфилд покачал головой:

– Вы находились под наблюдением. Мои люди вот уже неделю следили за вами. Сегодня вечером к ним присоединились специальные агенты Пултон и Ламарр. Они все видели.

Ричер удивленно уставился на него:

– Вы следили за мной целую неделю?

– Если точнее, восемь дней, – ответил Дирфилд.

– Почему?

– К этому мы вернемся позже.

Словно очнувшись, Ламарр снова нагнулась к своему чемоданчику. Достала еще одну папку. Раскрыла ее и вынула несколько листов бумаги. Четыре или пять, сколотые вместе. Покрывтые убористым машинописным текстом. Одарив Ричера ледяной улыбкой, Ламарр перевернула листы и подтолкнула их по столу. Попав в струю воздуха из кондиционера, листы рассыпались. Скрепка зацепилась за дерево, и листы остановились прямо перед Ричером. В них он именовался «объектом». Это был подробный перечень всех мест, где он побывал, и всего того, чем он занимался в течение последних восьми суток. С точностью до секунды. С точностью до мельчайшей детали. Оторвавшись от листов, Ричер посмотрел в улыбающееся лицо Ламарр.

– Что ж, судя по всему, ФБР прекрасно умеет вести слежку, – сказал он. – Я ничего не заметил.

Наступило молчание.

– Так что же произошло в ресторане? – снова спросил Дирфилд.

Ричер ответил не сразу. «Искренность – лучшая стратегия», – наконец решил он. Обдумал свои слова. Сглотнул комок в горле. Кивнул в сторону Блейка, Ламарр и Пултона:

– Полагаю, эти крючкотворы назовут это «превышением необходимых мер». Я совершил маленькое преступление, чтобы помешать совершиться большому.

– Вы действовали один? – спросил Козо.

Ричер кивнул:

– Да, один.

– Тогда что означает фраза: «Не лезьте на нашу территорию»?

– Я хотел, чтобы мое предупреждение выглядело убедительно. Мне было нужно, чтобы этот Петросян – кем бы он ни был, черт побери! – отнесся к нему серьезно. Чтобы он решил, что столкнулся с другой организацией.

Перегнувшись через стол, Дирфилд забрал протокол о наружном наблюдении. Развернул и начал листать.

– Здесь указано, что у Ричера не было никаких контактов ни с кем, кроме мисс Джоди Джейкоб. Она не имеет никакого отношения к рэкету. Что насчет телефонных звонков?

– Вы прослушивали мой телефон? – спросил Ричер.

– Мы и в вашем мусоре копались, – заверил его Дирфилд.

– С телефоном тоже все чисто, – сказал Пултон. – Ричер разговаривал только с мисс Джейкоб. Он ведет очень замкнутый образ жизни.

– Это так, Ричер? – спросил Дирфилд. – Вы ведете замкнутый образ жизни?

– Как правило, – подтвердил Ричер.

– Значит, вы действовали в одиночку, – заключил Дирфилд. – Просто обеспокоенный гражданин. Ни личных контактов с гангстерами, ни инструкций по телефону. – Он вопросительно посмотрел на Козо. – Джеймс, ты удовлетворен?

Тот нехотя сказал:

– Полагаю, у меня нет выбора.

– Значит, обеспокоенный гражданин, да, Ричер? – спросил Дирфилд.

Ричер молча кивнул.

– Вы можете это доказать? – продолжил Дирфилд.

Ричер пожал плечами:

– Я мог бы забрать оружие. Если бы я был связан с преступностью, я бы обязательно так поступил. Но я этого не сделал.

– Да, вы бросили пистолеты в мусорный контейнер.

– Но предварительно вывел их из строя.

– Забив грязью механизм. Зачем вы это сделали?

– Чтобы если их и нашли, то все равно не смогли бы использовать.

– Обеспокоенный гражданин, – понимающе заметил Дирфилд. – Вы увидели несправедливость и решили ее исправить.

– Ну да, – согласился Ричер.

– Кто-то же должен этим заниматься.

– Наверное.

– Вы терпеть не можете несправедливость.

– В общем, да.

– И вы видите разницу между добром и злом.

– Надеюсь.

– Вам не нужно вмешательство компетентных органов, потому что вы сами принимаете решение.

– Обычно.

– Вас полностью устраивает ваш личный моральный кодекс.

– Наверное.

Наступило молчание. Дирфилд долго смотрел Ричеру в лицо.

– Так почему же вы забрали деньги? – наконец спросил он.

Ричер пожал плечами:

– Наверное, боевая добыча. Трофей.

Дирфилд кивнул:

– Часть кодекса?

– Вроде того.

– Вы ведете игру по своим правилам?

– Обычно.

– Вы не возьмете ни цента у пожилой дамы, но нет ничего плохого в том, чтобы отобрать деньги у пары плохих ребят.

– Наверное.

– Личный кодекс.

Ричер снова пожал плечами. Ничего не сказал. Молчание затягивалось.

– Вы что-нибудь знаете о построении психологического портрета преступника? – вдруг спросил Дирфилд.

Ричер ответил не сразу.

– Только то, что читал в газетах.

– Это наука, – заговорил Блейк. – Мы много лет работали над этим в Куантико. В настоящий момент специальный агент Ламарр является нашим ведущим экспертом в этом вопросе. Специальный агент Пултон ей помогает.

– Мы изучаем места преступлений, – сказала Ламарр. – Изучаем скрытые психологические признаки, определяем, какие черты характера может иметь преступник.

– Изучаем жертвы, – подхватил Пултон. – Пытаемся предположить, перед кем они были особенно беззащитны.

– Что за преступники? – спросил Ричер. – Какие места преступлений?

– Сукин сын! – выругалась Ламарр.

– Эми Каллан и Кэролайн Кук, – сказал Блейк. – Обе стали жертвами убийства.

Ричер молча уставился на него.

– Каллан была первой, – продолжил Блейк. – Очень характерные обстоятельства, но одно убийство – это всего лишь одно убийство. Затем была убита Кук. Те же самые обстоятельства. То есть преступления приобрели серийный характер.

– Мы стали искать связь между жертвами, – сказал Пултон. – И найти ее оказалось несложно. Обе служили в армии, обе судились из-за сексуальных домогательств, обеим пришлось уволиться.

– В обоих случаях преступления были спланированы безукоризненно, – сказала Ламарр. – Возможно, это указывает на армейскую организованность. Никаких следов. Никаких улик. Преступник определенно был человеком очень доскональным, и определенно он был знаком со следовательской практикой. Возможно, он сам опытный следователь.

– В обоих случаях никаких следов насильственного проникновения в жилище, – сказал Пултон. – Жертвы впускали убийцу в дом, не задавая вопросов.

– То есть они обе его знали, – подытожил Блейк.

– Обе ему доверяли, – сказал Пултон.

– К ним в гости заглянул друг, – сказала Ламарр.

В комнате наступила тишина.

– Вот кем он был, – снова заговорил Блейк. – Гостем. Человеком, которого жертвы воспринимали как друга. С которым их что-то связывало.

– Друг приходит в гости, – сказал Пултон. – Звонит в дверь, ему открывают и говорят: «Привет, как я рада снова видеть тебя».

– Он заходит в дом, – сказала Ламарр. – Все так просто.

В комнате опять наступила тишина.

– Мы исследовали преступления с точки зрения психологии, – снова заговорила Ламарр. – Чем эти женщины так провинились, что у кого-то возникло желание с ними расправиться? Поэтому мы стали искать военного, который хотел свести старые счеты. Возможно, человека, приходящего в бешенство от одной мысли, что какие-то склочные девки разбивают карьеру отличным солдатам, после чего все равно бросают армию. Похотливые стервы доводят отличных мужиков до самоубийства.

– Мы стали искать человека с четкими представлениями о добре и зле, – подхватил Пултон. – Человека, имеющего личный моральный кодекс и считающего допустимым самостоятельно исправлять несправедливость. Человека, который готов действовать сам, не привлекая компетентные органы, понимаете?

– Человека, которого знали обе жертвы, – добавил Блейк. – Которого они знали настолько хорошо, что впустили к себе в дом, не задавая вопросов.

– Человека, умеющего быстро принимать решения, – сказала Ламарр. – Который, задумавшись всего на секунду, отправляется покупать машинку для распечатки ценников и тубик клея, чтобы решить неожиданно возникшую маленькую проблему.

Опять наступила тишина.

– Армия пропустила Каллан и Кук через свои компьютеры, – вновь заговорила Ламарр. – Вы были совершенно правы, они не знали друг друга. У них было очень немного общих знакомых. Практически не было. Но одним из этих общих знакомых были вы.

– Хотите узнать один любопытный факт? – сказал Блейк. – В свое время серийные убийцы предпочитали ездить на «фольксвагенах-жук». Практически все. Это не поддавалось объяснению. Затем они перешли на минивэны. А теперь на джипы, большие, полноприводные, совсем как у вас. Это чертовски надежный показатель.

Нагнувшись к Дирфилду, Ламарр забрала лежащие перед ним листы и постучала по ним пальцем:

– Они ведут замкнутый образ жизни. Общаются максимум с одним человеком. Живут за счет других, родственников или друзей, как правило женщин. Они не занимаются тем, чем занимаются нормальные люди. Почти не говорят по телефону. Они очень молчаливы и скрытны.

– Они хорошо разбираются в работе правоохранительных органов, – сказал Пултон. – Прекрасно знают законы, в первую очередь все малоизвестные судебные решения, которые помогают им защищать свои права.

Снова тишина.

– Составление психологического портрета преступника, – наконец сказал Блейк, – это точная наука. В большинстве штатов она считается достаточным основанием для выдачи ордера на арест.

– Эта наука никогда не ошибается, – решительно заявила Ламарр.

Не отрывая взгляда от Ричера, она откинулась назад, обнажив кривые зубы в удовлетворенной усмешке. В комнате снова наступило молчание.

– Ну и?.. – наконец спросил Ричер.

– Итак, кто-то убил двух женщин, – сказал Дирфилд.

– И?..

Дирфилд посмотрел направо, на Блейка, Ламарр и Пултона.

– И эти агенты считают, что это сделал человек, в точности похожий на вас.

– Ну и?..

– Поэтому мы задали вам все эти вопросы.

– И?..

– И я пришел к выводу, что они были абсолютно правы. Это действительно сделал человек, в точности похожий на вас. Быть может, даже вы.

Глава 4

– Нет, это был не я, – сказал Ричер.

Блейк усмехнулся:

– Все вы так говорите.

Ричер бросил на него презрительный взгляд:

– Блейк, ты мешок с дерьмом. У тебя есть две убитые женщины, и больше ничего. То, что обе служили в армии, возможно, просто совпадение. Из армии увольняются сотни женщин, подвергшихся насилию, – быть может, даже тысячи. Почему вы ухватились за эту связь?

Блейк промолчал.

– И почему убийца похож на меня? – продолжил Ричер. – Это тоже лишь предположение. И к этому сводится весь ваш бред о психологическом портрете, так? Вы говорите, что это сделал человек, похожий на меня, потому что вы так считаете. Никаких доказательств у вас нет.

– Никаких доказательств у нас нет, – подтвердил Блейк.

– Преступник их не оставил, – сказала Ламарр. – И вот из этого мы и исходили. Преступник, несомненно, человек умный, поэтому мы стали искать умных. Вы ведь не будете отрицать, что вы умный?

Ричер смерил ее взглядом:

– Таких, как я, тысячи.

– Нет, миллионы, тщеславный подонок, – сказала она. – Но мы стали сужать круг дальше. Умный человек, одиночка, бывший военный, знал обеих женщин, уверен в собственной правоте, жестокий. От миллионов остались тысячи, потом сотни, потом десятки и, наконец, вы один.

Наступила тишина.

– Я? – наконец спросил Ричер. – Да вы сошли с ума. – Он повернулся к Дирфилду, остававшемуся молчаливым и внешне безучастным. – И вы тоже считаете, что это сделал я?

Дирфилд пожал плечами:

– Ну, если это не вы, то человек, абсолютно на вас похожий. И я знаю, что вы уложили двух человек в больницу. Из-за одного этого у вас уже будут большие неприятности. Ну а насчет другого – тут я не знаком с делом. Но Бюро доверяет своим специалистам. В конце концов, именно поэтому мы их и приглашаем.

– Они ошибаются, – сказал Ричер.

– Но можете ли вы это доказать?

Ричер посмотрел ему в глаза:

– Разве мне нужно это доказывать? А как же насчет презумпции невиновности?

Дирфилд усмехнулся:

– Пожалуйста, давайте останемся в реальном мире, хорошо?

Последовало молчание.

– Даты, – сказал Ричер. – Назовите мне даты и места.

Опять наступила тишина. Дирфилд сидел, уставившись в пустоту.

– Каллан была убита семь недель назад, – наконец сказал Блейк. – Кук убили четыре недели назад.

Ричер мысленно пробежался по времени назад. Четыре недели назад – это было самое начало осени; семь недель назад вернули его в конец лета. В конце лета он вообще ничего не делал. Воевал с лужайкой. Вымахавшие за три месяца сорняки выводили его на улицу каждый день с косой, мотыгой и прочими непривычными инструментами в руках. Он по несколько дней подряд не виделся с Джоди. У нее тогда тоже работы было по горло. Целую неделю она провела за границей, в Лондоне. Ричер не смог вспомнить точно, когда именно это было. Для

него этот промежуток одиночества был заполнен борьбой с буйной растительностью, цеплявшейся за каждую пядь лужайки за особняком.

В начале осени он перенес свою деятельность в дом. Там было много дел. Но он делал их в одиночку. Джоди оставалась в городе, занятая бесконечной работой. Изредка они проводили ночь вдвоем. Но и только. Никаких поездок, ни билетных корешков, ни регистрационных карточек в гостиницах, ни отметок в паспорте. Никакого алиби.

Ричер посмотрел на сидящих перед ним семерых сотрудников ФБР:

– Я должен поговорить со своим адвокатом.

Двое местных часовых провели Ричера назад в первую комнату. Его статус изменился. На этот раз они остались вместе с ним, встав по обе стороны закрытой двери. Ричер уселся в пластиковое кресло, не обращая на них внимания. Слушал бесконечный шепот вентиляционных труб в разобранном потолке и ни о чем не думал.

Ему пришлось ждать почти два часа. Часовые терпеливо стояли у дверей, не глядя в его сторону, не разговаривая, даже не шевелясь. Ричер сидел в кресле, откинувшись назад, и разглядывал трубы над головой. Комната была оборудована двойной вентиляционной системой. По одним трубам подавался свежий воздух, по другим отводился спертый. Система была понятной. Ричер окинул взглядом воздуховоды и представил себе большие ленивые вентиляторы на крыше, которые гонят воздух в противоположных направлениях, заменяя зданию легкие. Представил себе свое дыхание, поднимающееся в ночное небо над Манхэттеном и улетающее в сторону Атлантики. Представил себе, как чертовы молекулы парят и рассеиваются в атмосфере, увлекаемые бризом. За два часа их могло отнести от берега миль на двадцать. Или на тридцать. Или на сорок. Все зависит от погодных условий. Ричер не мог вспомнить, какая вечером была погода. Кажется, ветра не было. Определенно в воздухе висел туман. Если бы дул приличный ветер, туман бы рассеялся. Значит, вечер был безветренный, так что дыхание Ричера, вероятно, до сих пор упрямо висит в небе прямо над ленивыми вентиляторами.

Затем в коридоре послышались шаги, дверь открылась, часовые вышли, и в комнату вошла Джоди. Ослепительная на фоне серых стен. На ней было нежно-розовое платье, а поверх него шерстяной джемпер на пару тонов темнее. Ее волосы до сих пор хранили свет летнего солнца. Глаза были ярко-голубые, а кожа отливала цветом меда. Несмотря на разгар ночи, Джоди выглядела свежей, словно утро.

– Привет, Ричер, – сказала она.

Он молча кивнул. В ее глазах светилась тревога. Подойдя ближе, Джоди нагнулась и поцеловала Ричера в губы. От нее пахло цветами.

– Ты говорила с ними? – спросил он.

– Я не тот человек, кто должен иметь с ними дело, – ответила она. – Финансовое право – пожалуйста, но в уголовном праве я ничего не смыслю.

Джоди стояла перед креслом, высокая и стройная, склонив голову набок. При каждой новой встрече она казалась Ричеру еще красивее. Он встал и устало потянулся.

– Ничего делать не придется.

– Придется, черт побери, – возразила Джоди.

– Никаких женщин я не убивал.

Она пристально посмотрела на него:

– Конечно не убивал. Я это знаю. И они тоже знают. В противном случае тебя заковали бы в кандалы и отправили напрямиком в Куантико, а не оставили здесь. Речь идет о другом. Вот это они видели. Ты отправил двух человек в больницу прямо у них на глазах.

– Нет, это тут ни при чем. Бюро среагировало слишком быстро. Все было организовано еще до того, как я сделал это. Я не имею никакого отношения к рэкету. А только это и представляет интерес для Козо – организованная преступность.

Джоди кивнула:

– Козо доволен. Очень доволен. Он убрал двух громил с улицы, пальцем о палец не ударив. Но разве ты не видишь, что все превратилось в «уловку двадцать два»?¹ Для того чтобы убедить Козо, ты должен представить себя одиночкой с обостренным чувством справедливости, но чем больше ты будешь выставлять себя одиночкой с обостренным чувством справедливости, тем больше ты будешь втискиваться в психологический портрет, составленный в Куан-тико. Так что, по какой бы причине тебя сюда ни притащили, начинай запутывать ребят из Бюро.

– Этот психологический портрет – чушь собачья.

– Они так не думают.

– Это чушь собачья. Они нарисовали его с меня.

Джоди покачала головой:

– Нет, его нарисовали с человека, похожего на тебя.

– Так или иначе, я просто уйду отсюда.

– Не получится. Ты влип по самое некуда. В любом случае, Ричер, то, как ты расправился с теми громилками, видели люди. И не кто-нибудь, а агенты ФБР при исполнении служебных обязанностей.

– Те подонки получили по заслугам.

– Почему?

– Потому что они собирались пощипать того, кого нельзя щипать.

– Вот видишь? Ты сам строишь дело против себя. Одиночка, живущий по своему личному моральному кодексу.

Пожав плечами, Ричер отвернулся.

– Я для этого не подхожу, – повторила Джоди. – Я не занимаюсь уголовными делами. Тебе нужен другой адвокат.

– Никакие адвокаты мне не нужны, – упрямо заявил Ричер.

– Нет, Ричер, адвокат тебе нужен. Определенно нужен, черт побери! Во имя всего святого, это же ФБР!

Он молчал.

– Ты должен отнестись ко всему серьезно, – настаивала Джоди.

– Не могу. Это чушь собачья. Никаких женщин я не убивал.

– Но ты сам подстроился под психологический портрет. И теперь тебе будет очень трудно доказать, что Бюро ошиблось. Доказывать обратное всегда трудно. Так что тебе понадобится хороший адвокат.

– Они сказали, что я испорчу тебе карьеру. Что я для тебя неподходящий муж.

– Ну, это тоже чушь собачья. Но даже если бы это была правда, мне все равно. Я настаиваю на том, чтобы ты пригласил другого адвоката, не ради себя. Ради тебя.

– Никакие адвокаты мне не нужны.

– Тогда зачем ты меня вызвал?

Ричер улыбнулся:

– Я думал, ты меня немного приободрить.

Шагнув в его объятия, Джоди поднялась на цыпочки и поцеловала его в губы.

– Я тебя люблю, Ричер, – сказала она. – Очень люблю, ты ведь это знаешь, правда? Но тебе нужен другой адвокат. Я понятия не имею, что делать.

Наступила тишина, нарушаемая лишь шепотом вентиляции над головой – тихим шелестом воздуха по металлу, бесшумным звуком бегущего времени. Ричер вслушался в него.

---

¹ Имеется в виду ситуация, возникающая в результате логического парадокса между взаимоисключающими правилами (по названию романа Дж. Хеллера. В переводе книга известна как «Поправка-22»).

– Мне дали копию отчета о наружном наблюдении, – наконец сказала Джоди.

Ричер кивнул:

– Я так и думал.

– Почему?

– Этот отчет снимает с меня все подозрения.

– Каким образом?

– Потому что речь идет не о двух женщинах.

– Разве?

– Речь идет о трех женщинах. Должно быть именно так.

– Почему?

– Потому что тот, кто их убивает, работает по графику. Ты еще не поняла? У него трехнедельный цикл. Семь недель назад, четыре недели назад, так что следующее убийство уже произошло на прошлой неделе. За мной установили наблюдение, чтобы исключить меня из числа подозреваемых.

– Так почему же тебя забрали, да еще с таким шумом?

– Не знаю, – сказал Ричер.

– Быть может, график расстроился. Быть может, убийца остановился после двух убийств.

– После двух убийств никто не останавливается. Человек, совершивший больше одного убийства, продолжает убивать дальше.

– А может быть, убийца заболел и вынужден был устроить перерыв. Возможно, следующее убийство будет не раньше чем через несколько месяцев.

Ричер молчал.

– Быть может, его арестовали за что-то другое, – продолжила Джоди. – Такое случается время от времени. Понимаешь, за что-то совершенно не связанное с первыми двумя убийствами. Возможно, он просидит в тюрьме десять лет и никто никогда не узнает, что это был он. Ричер, тебе нужен хороший адвокат. Получше меня. Все будет очень непросто.

– Ты должна была меня приободрить, ты забыла?

– Нет, я должна была дать тебе хороший совет.

Он не ответил, охваченный внезапным сомнением.

– Не надо забывать и о другом, – сказала Джоди. – О тех двух парнях. С ними ты уж точно попал в беду.

– За них мне должны сказать спасибо.

– Так не получится.

Ричер промолчал.

– Пойми, это не армия, – настаивала Джоди. – Ричер, это Нью-Йорк. Здесь нельзя просто заткнуть двух парней за угол и поучить их уму-разуму с помощью кулаков. Бюро ищет, что бы такое на тебя повесить, и ты не можешь отрицать, что за тобой водятся грешки.

– Я ничего не делал.

– Ошибаешься, Ричер. Ты отправил двух человек в больницу. На глазах у ФБР. Разумеется, это были плохие парни, но здесь существуют определенные правила. И ты их нарушил.

В коридоре за дверью послышались шаги, громкие и тяжелые. Трое мужчин, идущих быстро. Дверь открылась. В комнату вошел Дирфилд, следом за ним – двое местных агентов. Не обращая внимания на Ричера, Дирфилд обратился к Джоди:

– Мисс Джейкоб, время вашего конфиденциального разговора с клиентом истекло.

Он возглавил маленькую процессию, направившуюся обратно в комнату с длинным столом. Местные агенты встали по бокам от Ричера и последовали за ним. Джоди вошла в комнату последней и заморгала, попав в яркий свет ламп. С противоположной стороны стола поставили второе кресло. Дирфилд молча указал на него. Взглянув на Дирфилда, Джоди обошла стол и села рядом с Ричером. Тот под прикрытием сверкающего стола пожал ей руку.

Двое местных парней заняли места у стены. Ричер прищурился, глядя против света. Перед ними сидели те же люди в том же порядке. Пултон, Ламарр, Блейк, Дирфилд, а затем Козо, между двумя пустыми креслами. Но теперь на столе стоял плоский черный диктофон. Нагнувшись, Дирфилд нажал красную клавишу. Назвал дату, время, место. Представил всех девятерых присутствующих. Положил руки на стол.

– Алан Дирфилд обращается к подозреваемому Джеку Ричеру, – сказал он. – Вы арестованы по следующим двум пунктам обвинения. – Он сделал паузу. – Во-первых, ограбление с нанесением тяжких телесных повреждений. Личности двоих потерпевших пока что не установлены.

Джеймс Козо подался вперед.

– Во-вторых, – подхватил он, – содействие преступной организации, занимающейся вымогательством.

Дирфилд улыбнулся:

– Вы имеете право хранить молчание. Все ваши слова будут записаны и впоследствии могут быть использованы в суде против вас. Вы имеете право на защиту. Если вы не можете позволить себе оплатить услуги адвоката, защитник будет предоставлен вам бесплатно штатом Нью-Йорк.

Нагнувшись к диктофону, Дирфилд нажал клавишу паузы.

– Я все правильно сказал? Учитывая, какой вы дока по части прав Миранды?

Ричер ничего не ответил. Снова улыбнувшись, Дирфилд отжал клавишу паузы, и диктофон с жужжанием ожил.

– Вы понимаете свои права? – спросил он.

– Да, – ответил Ричер.

– Вы хотите сделать какое-либо заявление?

– Нет.

– Это все? – спросил Дирфилд.

– Да, – ответил Ричер.

Дирфилд кивнул:

– Закончим на этом.

Он выключил диктофон.

– Я требую освобождения своего клиента под залог, – сказала Джоди.

Дирфилд покачал головой:

– В этом нет необходимости. Мы отпускаем его под подписку о невыезде.

В комнате наступила тишина.

– А что насчет другого обвинения? – наконец спросила Джоди. – Я имею в виду тех убитых женщин?

– Расследование продолжается, – сказал Дирфилд. – Ваш клиент свободен.

Глава 5

Ричера отпустили около трех ночи. Джоди разрывалась между желанием остаться с ним и необходимостью вернуться в офис и продолжить свое ночное бдение. Ричеру удалось ее успокоить и отправить назад на работу. Один из местных агентов подбросил Джоди до Уолл-стрит. Ричеру вернули все его вещи, за исключением пачки украденных денег. Затем другой местный агент отвез его в Гаррисон, промчавшись пятьдесят восемь миль за сорок семь минут. Он установил на приборной панели красную мигалку, подсоединенную проводом к прикуривателю, и не выключал ее всю дорогу. Красные блики отражались от густого тумана. Ночь выдалась темная и холодная, и дорожное покрытие было мокрым и скользким. Агент не произнес ни звука. Просто резко затормозил у дорожки, ведущей к особняку Ричера, и рванул с места, как только захлопнулась передняя правая дверца. Ричер проводил взглядом мигающий красный огонек, скрывшийся в речном тумане, и направился к дому.

Особняк достался ему в наследство от Леона Гарбера, отца Джоди и командира Ричера. Та неделя в самом начале лета была полна неожиданностей, как хороших, так и плохих. Ричер снова встретился с Джоди после стольких лет, узнал, что она была замужем и развелась, узнал, что Леон умер, оставив ему этот дом. Ричер любил Джоди в течение пятнадцати лет, с тех пор как впервые увидел ее на военной базе на Филиппинах. Ей тогда исполнилось пятнадцать лет, она только начинала расцветать. Но она была дочерью его командира, и Ричер безжалостно сокрушил свои чувства, словно постыдную тайну, не дав им увидеть белый свет. Ричеру казалось, что этими чувствами он предаст и Джоди, и Леона, а на такое предательство он не пошел бы никогда, потому что Леон был для своих подчиненных царем и богом и Ричер любил его, как родного отца. Это заставляло его воспринимать Джоди как свою сестру, а к родной сестре таких чувств не испытывают.

По воле случая Ричер попал на похороны Леона. Там он снова встретил Джоди, и они смущенно препирались друг с другом пару дней, пока она не призналась в том, что испытывала те же самые чувства и скрывала их по тем же самым причинам. Это откровение стало громом среди ясного неба, ослепительным протуберанцем счастья, озарившим ту неделю неожиданностей.

Встреча с Джоди стала хорошей неожиданностью, а смерть Леона – плохой, тут не было никаких сомнений, но доставшийся в наследство особняк явился одновременно и хорошей, и плохой неожиданностью. Этот лакомый кусок первоклассной недвижимости стоимостью полмиллиона долларов горделиво высился на берегу Гудзона напротив академии Уэст-Пойнт. Особняк был очень уютный, но он стал для Ричера головной болью. Он приковал Ричера к месту, отчего ему стало очень неудобно. Всю свою жизнь он постоянно находился в движении, поэтому ему никак было не привыкнуть к необходимости оставаться долго на одном месте. К тому же Ричер никогда не жил в особняках. Казармы, служебные квартиры, мотели были ему более привычны. Это успело войти в его кровь.

И еще его беспокоила мысль о собственности. Всю свою жизнь Ричер не имел ничего больше того, что могло поместиться у него в карманах. В детстве у него была бейсбольная бита, и больше почти ничего. Став взрослым, он однажды прожил целых семь лет, не имея абсолютно ничего своего, кроме пары ботинок, которые он предпочитал казенным. Затем женщина подарила ему бумажник с затынутым пластиком окошком, в которое была вставлена ее фотография. Расставшись с женщиной, Ричер выбросил фотографию, но бумажник оставил. Так прошли следующие шесть лет службы: с ботинками и бумажником. После увольнения он добавил к ним зубную щетку, складывающуюся пополам, которую он хранил в кармане, как ручку. Еще у него были часы. Армейского образца, некогда бывшие казенной собственностью, но ставшие его личными, потому что Министерство обороны не потребовало их назад. И все.

Ботинки на ногах, одежда на теле, мелочь в кармане брюк, крупные купюры в бумажнике, зубная щетка в кармане куртки и часы на руке.

И вдруг у него появился целый дом. А дом – это очень запутанная штука. Большой, сложный, живой организм. Все началось с подвала. Подвал оказался огромным мрачным пространством с бетонным полом и бетонными стенами и балками перекрытий, выступающими над головой, подобно костям скелета. В подвале находились трубы, провода и механизмы. Топка. Где-то во дворе была закопана цистерна с мазутом. На улице также находился колодец. Большие круглые трубы дренажной системы проходили сквозь стены. В целом это была сложная, взаимосвязанная машина, и Ричер понятия не имел, как она работает.

Вверху все выглядело уже более нормальным. Лабиринт обманчиво приветливых комнат, убогих и неухоженных. У каждой свои секреты. Где-то не работали выключатели. Одно окно треснуло и не желало открываться. Электрическая плита на кухне оказалась такой мудреной, что ею невозможно было пользоваться. По ночам весь дом скрипел и стонал, напоминая Ричеру, что все это происходит наяву и о доме надо заботиться.

И ко всему прочему дом был не просто материальным объектом. Он вел еще и бюрократическое существование. По почте прислали что-то о «праве собственности». Потом надо было думать о страховке. Потом налоги. Городской налог, школьный налог, уплата за экспертизу, налог на имущество. Затем нужно было оплачивать счет на вывоз мусора. И не забывать о намеченном завозе пропана. Вся почта такого рода хранилась в ящике кухонного стола.

Единственной покупкой, сделанной для дома, стал позолоченный фильтр для старой кофеварки Леона. Ричер рассудил, что так будет проще, чем постоянно бегать в магазин за бумажными фильтрами. В то утро в четыре часа десять минут он насыпал в кофеварку кофе из банки, налил воду и включил древний агрегат. Заранее сполоснул в мойке кружку и поставил ее на стол. Сел на табурет, облокотился на стол и стал следить за тем, как в стеклянной колбе бурлит темная жидкость. Судя по всему, старая кофеварка внутри покрылась накипью, поэтому работала она очень медленно и неэффективно. Обычно на приготовление кружки кофе ей требовалось пять минут.

Где-то на четвертой из этих пяти минут Ричер услышал, как к дому подъезжает машина. Шелест шин по мокрому асфальту. Хруст щебня. «Джоди не смогла заставить себя остаться на работе», – подумал Ричер. Эта надежда продержалась около полутора секунд, до тех пор пока машина не обогнула дом и в окно кухни не упал отблеск от красной мигалки. Он пробежал слева направо и опять слева направо, пробиваясь сквозь туман, поднимающийся от реки, а затем канул в темноту. Двигатель заглох, и наступила тишина. Открылись дверцы, и на дорожку опустились ноги. Двое людей. Двери захлопнулись. Ричер встал и погасил свет на кухне. Выглянул в окно и увидел размытые силуэты двух человек, вглядывающихся в туман в поисках дорожки, ведущей к двери. Снова сев на табурет, Ричер дождался хруста шагов по щебню. Шаги затихли. Зазвонил звонок у входной двери.

В коридоре имелись два выключателя. Один из них зажигал свет над крыльцом. Ричер не помнил, какой именно. Он нажал наугад и попал с первого раза. Ричер открыл входную дверь. Лампа, заключенная в толстое желтоватое стекло, отбрасывала узкий луч света. Луч выхватил сначала Нельсона Блейка, затем ту часть Джулии Ламарр, которая не была закрыта его тенью. На лице Блейка не осталось ничего, кроме усталости. Лицо Ламарр по-прежнему было полно враждебности и презрения.

– Вы еще не легли, – сказал Блейк.

Не вопрос, а констатация факта.

Ричер кивнул:

– Заходите, раз уж пришли.

Ламарр покачала головой. Желтоватый свет сверкнул в ее волосах.

– Мы бы предпочли остаться на улице.

Блейк переступил с ноги на ногу.

– Мы можем куда-нибудь сходить? Позавтракать?

– В половине пятого утра? – удивился Ричер. – Только не в этих краях.

– Быть может, мы поговорим в машине? – предложила Ламарр.

– Нет.

Патовая ситуация. Ламарр отвела взгляд. Блейк снова переступил с ноги на ногу.

– Заходите, – снова пригласил Ричер. – Я только что сварил кофе.

Он вернулся на кухню. Заглянул в буфет и достал еще две кружки. Сполоснул их в мойке. Послышался скрип половиц: Блейк вошел в дом. Затем прозвучала более легкая поступь Ламарр, и входная дверь закрылась.

– Могу угостить только черным, – крикнул Ричер. – Боюсь, в этом доме нет ни молока, ни сахара.

– Черный – как раз то, что нужно, – откликнулся Блейк.

Он стоял в дверях кухни, не желая вторгаться на чужую территорию. Ламарр маячила у него за спиной, через его плечо оглядывая кухню с неприкрытым любопытством.

– Мне ничего не надо, – сказала она.

– Джулия, выпей кофе, – предложил ей Блейк. – Ночка выдалась длинная.

Его тон был чем-то средним между приказом и отеческой заботой. Удивленно посмотрев на него, Ричер налил три кружки. Взяв свою, он прислонился к кухонному столу и стал ждать.

– Нам нужно поговорить, – сказал Блейк.

– Кто эта третья женщина? – спросил Ричер.

– Лорейн Стэнли. Она была сержантом, служила в хозяйственной части.

– Где?

– Где-то в Юте. Ее обнаружили убитой в Калифорнии вчера утром.

– Обстоятельства убийства те же самые?

– Абсолютно идентичные, – кивнул Блейк.

– И прошлое такое же?

– Жалоба на сексуальные домогательства, выиграла дело, но затем все равно уволилась.

– Когда?

– История с домогательствами произошла два года назад, уволилась Стэнли в прошлом году. Таким образом, теперь убитых трое. Так что служба в армии – это не случайное совпадение, поверьте.

Ричер пригубил кофе. Напиток показался ему слабым и каким-то затхлым. Похоже, внутри кофеварка была покрыта толстым слоем минеральных отложений. Вероятно, существует специальная процедура очистки от накипи.

– Я никогда не слышал о Лорейн Стэнли, – наконец произнес Ричер. – Я никогда не служил в штате Юта.

Блейк кивнул:

– Мы можем где-нибудь поговорить?

– А разве мы здесь не разговариваем?

– Можно где-нибудь присесть?

Ричер оторвался от стола и направился в гостиную, жестом предложив следовать за ним. Он поставил кружку на журнальный столик и поднял шторы, открывая крошечную темноту на улице. Окна выходили на запад, на реку. Пройдет еще несколько часов, прежде чем солнце поднимется достаточно высоко и озарит небо в этой стороне.

Перед холодным камином, полным прошлогодней золы, стояли вдоль стен три диванчика. Последние радости жизни, которыми наслаждался отец Джоди. Блейк сел лицом к окну, Ричер устроился напротив него, а Ламарр, повозившись с короткой юбкой, заняла место прямо перед камином. Ее кожа была такого же цвета, как и зола.

– Мы по-прежнему считаем, что наш психологический портрет правильный, – сказала Ламарр.

– Вам виднее.

– Это сделал человек, в точности похожий на вас.

– Вы считаете, это вероятно? – спросил Блейк.

– Что вероятно? – ответил вопросом на вопрос Ричер.

– То, что за этим может стоять военный?

– Вы спрашиваете, может ли военный быть убийцей?

– Да, – подтвердил Блейк. – У вас есть мнение по этому вопросу?

– По моему мнению, это очень глупый вопрос. Все равно что спросить, умеет ли жокей ездить верхом.

Наступила тишина. Лишь приглушенный хлопок из подвала, означающий, что включилась система отопления, а затем быстро распространяющийся скрип труб, которые расширялись от температуры и терлись о балки.

– Вот вы и были вероятным подозреваемым в первых двух убийствах, – сказал Блейк.

Ричер ничего не ответил.

– Отсюда слежка, – продолжил Блейк.

– Это извинение? – спросил Ричер.

– Наверное, можно считать и так, – согласился Блейк.

– Тогда зачем вы меня заграбастали? Если уже знали наверняка, что я здесь ни при чем?

Блейк вроде бы смутился:

– Наверное, нам хотелось показать, что в деле наметился хоть какой-то прогресс.

– Вы собирались продемонстрировать прогресс, забрав невинного? Не верю.

– Я уже принес извинения, – сказал Блейк.

Снова наступила тишина.

– Вы установили, кто был знаком со всеми тремя убитыми? – спросил Ричер.

– Пока что нет, – ответила Ламарр.

– Мы считаем, что, возможно, предыдущее личное знакомство не является обязательным фактором, – заметил Блейк.

– Кажется, пару часов назад вы считали обратное. Вы рассказывали мне, что я был хорошим знакомым этих женщин, звонил им в дом и они меня впускали.

– Не вы, – возразил Блейк. – Человек, похожий на вас, только и всего. А сейчас мы думаем, что, скорее всего, ошибались. Убийца выбирает своих жертв из определенной категории. Женщин, служивших в армии, жаловавшихся на сексуальные домогательства и впоследствии уволившихся. Так что, возможно, лично он с ними не знаком, а просто принадлежит к категории, знакомой с ними. Например, он из военной полиции.

Ричер улыбнулся:

– То есть вы снова начинаете подозревать меня.

Блейк покачал головой:

– Нет, вас не было в Калифорнии.

– Неправильный ответ, Блейк. Я не совершал эти убийства, потому что я не убийца.

– Вам никогда не приходилось никого убивать? – спросила Ламарр таким тоном, как будто наперед знала ответ.

– Только тех, кто этого заслуживал.

Ламарр улыбнулась ему в ответ:

– Как я уже говорила, мы по-прежнему считаем, что наш психологический портрет правильный. Это сделал какой-то уверенный в собственной правоте сукин сын вроде вас.

Ричер обратил внимание, что во взгляде Блейка, брошенном на нее, смешались поддержка и неодобрение. Свет из кухни, проникая через коридор, превращал волосы Ламарр в

полупрозрачный нимб, придавая ей сходство с черепом. Блейк подался вперед, пытаясь привлечь к себе внимание Ричера.

– По нашему мнению, вполне возможно, что убийца служит или служил в военной полиции.

Оторвав взгляд от Ламарр, Ричер пожал плечами:

– Все возможно.

Блейк кивнул:

– И вполне понятно, что верность службе не позволяет вам согласиться с нашим предположением.

– На самом деле мне не позволяет это сделать здравый смысл.

– То есть?

– Вы почему-то решили, что дружба, доверие имеют какое-то отношение к делу. Но в армии никто не доверяет военной полиции. И насколько мне известно, не водит с ней дружбу.

– Вы сами рассказали нам, что Рита Симека должна была запомнить вас как друга.

– Я – совсем другое дело. Я прилагал для этого усилия. Но это можно сказать про очень немногих.

Снова молчание. Туман за окном заглушал звуки, одеялом окутывая дом. Зато громко шумела вода, протекавшая по батареям.

– Ладно, вернемся к нашему вопросу, – наконец заговорил Блейк. – Как уже заметила Джулия, мы работаем по своей методике, и она однозначно свидетельствует о том, что здесь замешана армия. Категория, к которой относятся жертвы, слишком узкая, чтобы можно было говорить о случайном совпадении.

– И?..

– Как правило, Бюро и армия не слишком ладят друг с другом.

– Ну, тут нет ничего удивительного. А с кем вы, ребята, ладите, черт возьми?

Блейк кивнул. На нем был дорогой костюм, еще ни разу не бывавший в чистке. Блейк чувствовал себя в нем неудобно, словно школьный тренер по футболу, пришедший на встречу с выпускниками.

– Никто не ладит ни с кем, – подтвердил Блейк. – Не мне вам объяснять, как соперничают между собой различные ведомства. Когда вы сами служили в военной полиции, вам приходилось сотрудничать с гражданскими службами?

Ричер промолчал.

– Так что вы сами все знаете, – продолжил Блейк. – Армия ненавидит Бюро, Бюро ненавидит ЦРУ, все ненавидят всех.

Наступило молчание.

– Поэтому нам нужен посредник, – сказал Блейк.

– Кто?

– Советник. Человек, который нам поможет.

Ричер пожал плечами:

– Я никого не знаю. Я уже давно выпал из обоймы.

Молчание. Допив кофе, Ричер поставил пустую кружку на стол.

– Это можете взять на себя вы, – сказал Блейк.

– Я?

– Да, вы. Вы ведь еще не забыли, что к чему, так?

– Об этом не может быть и речи.

– Почему?

Ричер покачал головой:

– Потому что не хочу.

– Но вы могли бы.

– Мог бы, но не хочу.

– Мы изучили ваш послужной список. Вы были чертовски хорошим следователем.

– Это осталось в прошлом.

– Возможно, у вас еще остались друзья, люди, которые вас помнят. Которые перед вами по-прежнему в долгу.

– Возможно, остались, а может быть, и нет.

– Вы могли бы помочь нам.

– Возможно, и мог бы, но не буду.

Откинувшись назад, Ричер разложил руки на подушках диванчика и вытянул ноги.

– Вы не испытываете никаких чувств? – спросил Блейк. – Вам не жаль женщин, которых убили? Это ведь не должно было случиться.

– В армии служит миллион человек, – сказал Ричер. – Я прослужил тринадцать лет. Сколько раз за это время сменился состав? Ну, один раз наверняка. Так что со мной в разное время служили два миллиона человек. Закон больших чисел гласит, что кого-то из них убьют. Это так же точно, как и то, что кто-то из них выиграет в лотерею. Я не могу переживать за всех.

– Вы были лично знакомы с Каллан и Кук. Они вам нравились.

– Мне нравилась Каллан.

– Так помогите нам поймать ее убийцу.

– Нет.

– Пожалуйста.

– Нет.

– Я прошу вас о помощи.

– Нет.

– Сукин сын! – пробормотала Ламарр.

Ричер посмотрел на Блейка:

– Вы действительно полагаете, что я захочу работать с ней? По-моему, она только и делает, что называет меня сукиным сыном.

– Джулия, сходи приготовь нам кофе, – сказал Блейк.

Ламарр покраснела и поджала губы, но тем не менее поднялась с дивана и вышла на кухню. Блейк подался вперед и заговорил, понизив голос:

– Она заведена. Вы должны отнестись к ней со снисхождением.

– Вот как? – спросил Ричер. – Это еще почему, черт побери? Она сидит у меня дома, пьет мой кофе и обзывается.

– Категория жертв весьма специфическая. И вероятно, она значительно уже, чем вы думаете. Знаете, скольким женщинам, выступавшим в делах о сексуальных домогательствах, пришлось впоследствии покинуть службу? Вы сказали, их сотни, возможно, даже тысячи, но Министерство обороны утверждает, что этим параметрам удовлетворяет только девяносто одна женщина.

– И?..

– Мы полагаем, что убийца решил расправиться со всеми. Поэтому мы должны быть готовы к тому, что он будет продолжать до тех пор, пока его не остановят. Если его удастся остановить. А он уже успел совершить три преступления.

– И?..

– Одна из оставшихся восьмидесяти восьми – сестра Джулии.

Снова наступила тишина, нарушаемая лишь звуками из кухни.

– Поэтому, естественно, Джулия беспокоится, – продолжил Блейк. – Конечно, это еще не паника, потому что одна из восьмидесяти восьми – это не слишком плохие шансы, и все же Джулия принимает все близко к сердцу.

Ричер медленно наклонил голову:

– В таком случае она не должна заниматься этим делом. Она не может оставаться беспристрастной.

Блейк пожал плечами:

– Она настаивала. Принимать решение предоставили мне. Я, наоборот, рад этому обстоятельству. Давление может приносить плоды.

– Только не в случае Ламарр. Она несется, не признавая узды.

– Джулия – мой ведущий специалист по составлению психологических портретов преступников. Она очень плодотворно занимается этим делом. Поэтому она мне нужна, даже если она и не может оставаться беспристрастной. Вы нужны ей в качестве посредника, а мне нужны результаты, так что вам нужно отнестись к ней со снисхождением.

Откинувшись назад, Блейк пристально посмотрел на Ричера. Полный пожилой мужчина, неуютно чувствующий себя в этом костюме, потеющий, несмотря на ночную прохладу, с упрямым выражением на лице. «Мне нужны результаты». Ричер ничего не имел против людей, которым были нужны результаты. Но он ничего не сказал. Пауза затягивалась. Наконец в комнату вернулась Ламарр с кофеваркой. Ее лицо снова стало бледным. Она взяла себя в руки.

– Я продолжаю считать, что сделанный мной психологический портрет верен, – сказала она. – Убийца в точности похож на вас. Возможно, вы его знали. Возможно, работали с ним.

Ричер посмотрел на нее:

– Я сожалею по поводу вашей сестры.

– Мне не нужна ваша жалость. Я должна поймать убийцу.

– Что ж, удачи вам.

Наклонившись, она налила кофе Блейку, затем подошла к Ричеру.

– Благодарю, – сказал он.

– Так вы нам можете помочь? – спросила Ламарр.

Он покачал головой:

– Нет.

Наступила тишина.

– А как насчет того, чтобы выступить в роли советника? – спросил Блейк. – Только консультации? Ваш большой опыт?

Ричер снова покачал головой:

– Нет, меня это не интересует.

– Ну а что-нибудь совсем уж пассивное? – не унимался Блейк. – Просто «мозговая атака»? Нам кажется, вы очень похожи на убийцу. По крайней мере, вы люди одного типа.

– Нет, я пас, – сказал Ричер.

Снова наступила тишина.

– Вы дадите согласие на то, чтобы вас загипнотизировали? – спросил Блейк.

– Загипнотизировали? Зачем?

– Быть может, вы вспомните что-то такое, что похоронено в глубинах подсознания. Например, кто-то кому-то угрожал, делал какие-то злобные высказывания. А вы в свое время не обратили на это внимание. Возможно, сейчас вы это вспомните. Что-нибудь полезное.

– Вы все еще прибегаете к гипнозу?

– Иногда, – сказал Блейк. – Бывает, он помогает. Джулия – большой специалист по этой части. Она может этим заняться.

– В таком случае спасибо, но нет. Она заставит меня пройтись гольшом по Пятой авеню.

Снова наступило молчание. Блейк отвел взгляд, затем снова повернулся к Ричеру:

– Ричер, обращаюсь к вам в последний раз. Бюро просит вас о помощи. Мы постоянно прибегаем к помощи советников. Вам хорошо заплатят. Да или нет?

– Именно с этой целью вы меня заграбастали?

– Порой это дает результат.

– Каким образом?

Подумав, Блейк решил ответить. Ричер видел, что он готов пойти на откровенность ради того, чтобы добиться своей цели.

– Это встряхивает людей, – сказал Блейк. – Понимаете, если убедить человека в том, что он главный подозреваемый, а затем сказать, что это не так, получается своеобразный эмоциональный переключатель, и этот человек проникнется к нам чем-то вроде благодарности. Он хочет нам помочь.

– Вам уже приходилось делать подобное?

– Да, и результат чаще бывает положительный, чем отрицательный.

Ричер пожал плечами:

– Я психологией никогда не увлекался.

– Образно говоря, психология – это наше ремесло, – заметил Блейк.

– Вам не кажется, что это довольно жестоко?

– Бюро выполняет свой долг.

– Несомненно.

– Итак, да или нет?

– Нет.

В комнате наступила тишина.

– Почему?

– Наверное, потому, что в моем случае ваш эмоциональный переключатель не сработал.

– А мы можем получить какую-нибудь формальную причину – для отчетности?

– Формальной причиной является мисс Ламарр. Она постоянно мне хамит.

Блейк беспомощно развел руками:

– Но она хамила вам только для того, чтобы переключатель сработал. Это просто тактический прием.

Ричер скорчил гримасу:

– У нее получилось чересчур убедительно. Отстраните ее от дела, и я, возможно, подумаю.

Ламарр сверкнула глазами, а Блейк покачал головой:

– Я на это не пойду. Здесь решаю я, и я не потерплю никакого диктата.

– В таком случае мой ответ – нет.

Молчание. Уголки губ Блейка опустились.

– Перед тем как приехать сюда, мы переговорили с Дирфилдом. Надеюсь, это вы понимаете? Так вот, Дирфилд уполномочил нас заверить вас, что Козо снимет все обвинения в рэкрете, если вы окажетесь сговорчивым.

– Мне наплевать на обвинения в рэкрете.

– А напрасно. От рэкрета всегда дурно пахнет, вы не находите? Рэкет вредит бизнесу, калечит жизни. Если Козо умело представит дело, здешние присяжные из мелких торговцев проникнутся к вам лютой ненавистью.

– Мне на это наплевать, – повторил Ричер. – Я развалю все обвинения против себя за одну секунду. Вы забыли: я не начинал рэкет. Я, наоборот, остановил его. Для присяжных из здешних мелких торговцев я буду Робин Гудом.

Блейк опустил голову и провел пальцем по губам.

– Вся беда в том, что дело не ограничивается обвинением в рэкрете. Один из тех громил в критическом состоянии. Нам только что позвонили из больницы. У него проломлен череп. Если он умрет, вам предъявят обвинение в умышленном убийстве.

Ричер усмехнулся:

– Неплохо придумано, Блейк. Но сегодня никто никому череп не проламывал. Поверьте, если я хочу проломить кому-нибудь череп, я знаю, как это делать. Но случайно это произойти не может. Так что давайте послушаем остальное.

– Что остальное?

– Ну, ваши страшные угрозы. Бюро ведь выполняет свой долг, верно? Вы хотите любой ценой добиться от меня согласия сотрудничать. Так что давайте вываливайте остальные страшные угрозы, которые вы приготовили, чтобы меня запугать.

– Нам просто очень нужна ваша помощь.

– Понимаю. И я хочу услышать, как далеко вы готовы зайти ради этого.

– Так далеко, как потребуется. Это ведь ФБР, Ричер. На нас давят обстоятельства. Мы не можем терять время. Его у нас нет.

Ричер отпил кофе. Теперь вкус у него был определенно лучше, чем в первый раз. Возможно, Ламарр насыпала больше зерен. Или меньше.

– Ну же, вываливайте плохие новости.

– Проверка налоговой инспекции.

– Вы полагаете, меня испугает проверка налоговой инспекции? Мне нечего скрывать. Если удастся найти какой-нибудь доход, о котором я забыл, я буду крайне признателен, только и всего. Лишние деньги мне не помешают.

– Проверят не только вас, но и вашу знакомую.

Ричер снова расхохотался:

– Ради бога, Джоди – юрист с Уолл-стрит. Работает в крупной фирме, почти партнер. Она одной левой завяжет налоговую инспекцию в узел.

– Ричер, мы настроены серьезно.

– Пока что я этого не заметил.

Блейк уставился в пол.

– У Козо есть внедренные люди. Петросян станет спрашивать, кто расправился с его ребятами вчера вечером. Люди Козо могут как бы случайно упомянуть ваше имя.

– Дальше.

– Могут сказать Петросяну, где вы живете.

– И это известие должно меня запугать? Блейк, посмотрите на меня хорошенько. Вернитесь в реальность. На всем земном шаре найдется максимум человек десять, кого я испугаюсь. Крайне маловероятно, что Петросян окажется в их числе. Если он захочет пожаловаться ко мне в гости, я спущу его обратно в город по реке – в гробу.

– Насколько я слышал, Петросян человек крутой.

– Не сомневаюсь. Но достаточно ли он крут?

– Козо утверждает, он половой извращенец. В его расправах над виновными обязательно присутствует что-то сексуальное. Он оставляет трупы обнаженными, изуродованными, со следами насилия. Причем не важно, идет ли речь о мужчинах или женщинах. Нам об этом рассказал Дирфилд. Мы говорили с ним.

– Я уж как-нибудь рискну.

Блейк кивнул:

– Мы думали, что вы ответите именно так. Мы хорошо разбираемся в человеческих характерах. Образно говоря, это наше ремесло. Поэтому мы задались вопросом, как вы отнесетесь вот к чему. Предположим, люди Козо шепнут Петросяну не ваши имя и адрес. Что, если Петросян узнает имя и адрес вашей подруги?

Глава 6

– Что ты собираешься делать? – спросила Джоди.

– Не знаю, – ответил Ричер.

– Не могу поверить, что Бюро способно на такое.

Они сидели на кухне у Джоди, в квартире на четвертом этаже на Нижнем Бродвее. Блейк и Ламарр оставили Ричера в Гаррисоне, и через двадцать минут он уже мчался на юг, в город. Джоди вернулась домой в шесть утра, мечтая о том, чтобы позавтракать и принять душ, и нашла у себя в гостиной Ричера.

– Они говорили серьезно?

– Не знаю. Вероятно.

– Черт, я не могу в это поверить.

– Они на грани отчаяния, – объяснил Ричер. – И еще у них гипертрофированное самонимение. Они любят побеждать. Считают себя элитой. Если сложить все это вместе, получится то, как они себя ведут. Мне уже приходилось видеть подобное. У нас встречались абсолютно такие же типы. Готовые на все ради результата.

– Сколько времени тебе дали?

– Я должен буду перезвонить в восемь утра. И сообщить свое решение.

– Так что ты все-таки собираешься делать?

– Не знаю, – в который раз ответил Ричер.

Плащ Джоди висел на спинке стула, а сама она возбужденно расхаживала взад и вперед, одетая в нежно-розовое платье. Джоди провела без сна и в напряжении двадцать три часа подряд, но на это не указывало ничего, кроме бледно-голубых теней во внутренних уголках глаз.

– Это ведь не сошло бы им с рук, правда? – сказала она. – Возможно, тебя просто хотят запугать.

– Возможно и такое, – согласился Ричер. – Но это игра, понимаешь? Азартная игра. В любом случае беспокойство нам гарантировано. Навсегда.

Джоди упала в кресло и скрестила ноги. Откинула голову назад и потрянула волосами, распуская их по плечам. В ней было все то, чего не было в Джулии Ламарр. Пришелец из космоса отнес бы обеих к категории «женщины», поскольку они имели одинаковые части тела в одинаковых количествах: волосы, глаза, рот, руки и ноги, но одна из них была мечтой, а другая – кошмарным сном.

– Все зашло слишком далеко, – признался Ричер. – И в этом только моя вина. Я издевался над ними, потому что мне с самого начала не понравилась эта Ламарр. По этому я решил сперва немного потрепать им нервы и лишь потом согласиться. Но не успел я опомниться, как на меня вывалили вот это.

– Ну так соглашайся. Пусть они откажутся от своих угроз. Обещай им помощь.

Ричер покачал головой:

– Нет. Пока угрожали мне, это было одно дело. Угрожая тебе, они переступили черту. Раз эти люди готовы были даже обсуждать подобное, пусть убираются ко всем чертям.

– Но они действительно намерены осуществить свои угрозы? – повторила Джоди.

– Самая верная тактика – готовиться к худшему.

Она кивнула:

– Мне страшно. И наверное, мне по-прежнему будет немного страшно, даже если Бюро пойдет на попятную.

– Вот именно, – согласился Ричер. – Что сделано, то сделано.

– Но почему? Почему они в таком отчаянии? Почему пытаются тебя запугать?

– Корни этого надо искать в прошлом, – сказал он. – Нужно исходить из того, что все ненавидят всех. Блейк сам признался в этом. И это правда. Военная полиция не помочится на Куантико, даже если там начнется пожар. Это из-за Вьетнама. Твой отец смог бы многое рассказать об этом. Он сам был живым примером.

– А при чем тут Вьетнам?

– Существовала такая практика: теми, кто уклонялся от призыва, занималось Бюро, а дезертирами – военная полиция. Это различные категории, верно? Мы знали, как обращаться с дезертирами. Одних сажали за решетку, а для других хватало и небольшого разговора по душам. Джунгли ведь никак нельзя было назвать курортом, а призывные участки, если помнишь, не трещали по швам от наплыва желающих. Поэтому военная полиция успокаивала тех, кто получше, и отправляла их назад во Вьетнам, но в девяти случаях из десяти Бюро все равно арестовывало их – уже по дороге в аэропорт. Такая практика сводила наше ведомство с ума. Наследники Гувера были непреклонны. Шла настоящая война. А следствием ее стало то, что даже такой разумный и рассудительный человек, как Леон, ни за что на свете не стал бы говорить с федералом.

– И с тех пор все по-прежнему?

Ричер кивнул:

– У государственных ведомств хорошая память. Для них все это было как будто только вчера. Ничего не прощать, ничего не забывать.

– Даже несмотря на то, что тем женщинам угрожает опасность?

Ричер пожал плечами:

– А никто и не говорил, что ведомственное мышление поддается рациональному объяснению.

– Значит, Бюро действительно нуждается в помощи?

– Если оно хочет получить результат.

– Но почему именно ты?

– По многим причинам. Я имел отношение к двум делам, меня удалось найти, я занимал достаточно высокое положение, чтобы знать, где что искать, и чтобы нынешнее поколение по-прежнему было передо мной в долгу.

Джоди кивнула:

– То есть, если сложить все вместе, скорее всего, они говорили серьезно.

Ричер ничего не сказал.

– Так что мы будем делать?

Он ответил не сразу.

– Можно начать искать решение совсем в другом месте.

– Например?

– Ты могла бы переехать ко мне.

Джоди покачала головой:

– Мне не дадут. Да я и не могу. Ведь это может тянуться неделями, так? А у меня полно работы. Сейчас как раз обсуждается вопрос о партнерстве.

– Можно подойти с другой стороны, – предложил Ричер.

– Хорошо, но с какой?

– Я могу завалить Петросяна.

Джоди молча уставилась на него.

– Тогда угрозы потеряют смысл. Мы побьем туза козырем.

Джоди перевела взгляд на потолок, затем снова медленно покачала головой.

– У нас на работе есть одно правило, – сказала она. – Мы называем его «закон чего-то еще». Предположим, мы разбираемся в делах какого-нибудь банкрота. Иногда нам удается раскопать, что у этого банкрота кое-где припрятаны капиталы, о которых он нам не говорит,

которые он от нас скрывает. Банкрот нас обманывает. Так вот, первым делом мы задаемся вопросом: «А что еще?» Что еще он делает? Что еще у него есть?

– При чем тут ваше правило?

– А при том. Чем на самом деле занимается Бюро? Быть может, все дело вовсе не в убитых женщинах. Быть может, главное – это как раз Петросян. Судя по всему, это хитрый, скользкий тип. Быть может, у Бюро на него ничего нет. Ни улики, ни свидетелей. И возможно, Козо пытается с помощью Блейка и Ламарр натравить тебя на Петросяна. Ведь они составили твой психологический портрет. Они представляют себе твои мысли. Они могут предвидеть твои поступки. Они понимают, что, если тебя запугивать Петросяном, первой твоей мыслью будет расправиться с ним. В этом случае он перестанет портить Бюро кровь и можно будет обойтись без судебного процесса, который Бюро, скорее всего, не выиграло бы. И ничто не будет указывать на ФБР. Быть может, тебя решили использовать в качестве убийцы. Наподобие управляемой ракеты. Тебя лишь навели в нужную сторону, а дальше ты сам найдешь цель.

Ричер молчал.

– А может, дело совсем в другом, – продолжила Джоди. – Этот тип, который убивает женщин, судя по всему, тоже очень умный. Не оставляет никаких улик. Похоже, выстроить против него обвинение будет очень трудно. И быть может, Бюро хочет, чтобы ты его убрал. Возможно, для суда доказательств окажется недостаточно, но для того, чтобы убедить тебя, их хватит. В этом случае ты устранишь негодяя, отомстив за знакомых женщин. Дело сделано, быстро и без особых затрат, и опять же к Бюро не ведет никаких следов. Тебя используют в качестве волшебной пули: выстреливают ее в Нью-Йорке, а уж где и когда она попадет в цель – никто не знает.

Ричер продолжал молчать.

– Быть может, ты никогда и не был подозреваемым, – рассуждала вслух Джоди. – Быть может, Бюро и не искало убийцу. Быть может, оно с самого начала искало человека, который убьет убийцу.

В комнате наступила тишина. С улицы доносились звуки пробуждающегося города. За окном серел рассвет, машин становилось все больше.

– Возможны оба варианта, – наконец сказал Ричер. – И Петросян, и тот убийца.

– Да, в Бюро сидят умные ребята, – заметила Джоди.

Ричер кивнул:

– Это уж точно, черт побери.

– Так что ты собираешься делать?

– Не знаю. Я знаю только то, что не смогу уехать в Куантико, оставив тебя в одном городе с Петросяном. Просто не смогу.

– Но может быть, угрозы были пустыми. Неужели ФБР действительно способно на что-то подобное?

– Ты начинаешь ходить кругами. Ответ состоит в том, что мы ничего не знаем. И в этом вся беда. Именно этого и добивалось Бюро. Достаточно одних сомнений.

– А если ты никуда не поедешь?

– Тогда я останусь здесь и буду охранять тебя денно и ночью, не спуская с тебя глаз ни на минуту, пока нам обоим это не надоест настолько, что я пойду и прикончу Петросяна независимо от того, шутило с нами Бюро или нет.

– А если ты уедешь?

– В этом случае меня будут держать на привязи угрозой в твой адрес. Но что такое в их понимании «держать на привязи»? Позволят ли мне остановиться после того, как я найду этого типа? Или заставят пойти до конца и убить его?

– Да, они умные ребята, – повторила Джоди.

– Почему они просто не попросили меня?

– Бюро не может просто попросить. Это будет на сто процентов незаконно. А ты в любом случае не должен соглашаться.

– Думаешь?

– Да. Ни насчет Петросяна, ни насчет убийцы. Ты не должен делать то, чего от тебя хочет ФБР.

– Почему?

– Потому что тогда ты будешь принадлежать ему с потрохами, Ричер. Два убийства, совершенные с ведома Бюро? Прямо у него под носом? Ты до конца дней своих не отвяжешься от федералов.

Ричер подошел к окну, уперся ладонями в раму и стал смотреть вниз, на улицу.

– Ты попал в ужасную передрагу, – тихо промолвила Джоди. – Вернее, мы оба попали.

Ричер ничего не ответил.

– Так что же ты собираешься делать? – спросила она.

– Думать. До восьми часов еще есть время.

Джоди кивнула:

– Что ж, думай хорошенько. Не делай ничего такого, о чем нам пришлось бы пожалеть.

Джоди вернулась на работу. Предложение партнерства в фирме было слишком заманчивым. Оставшись в ее квартире один, Ричер тридцать минут напряженно думал, затем двадцать минут разговаривал по телефону. Блейк не зря сказал: «Возможно, еще остались люди, которые вас помнят, которые перед вами в долгу». Наконец без пяти минут восемь Ричер позвонил по телефону, который ему дала Ламарр. Она ответила после первого звонка.

– Я согласен, – сказал он. – Мне это не по душе, но я вам помогу.

Последовала короткая пауза. Ричер представил себе кривые зубы, обнажившиеся в довольной улыбке.

– Возвращайтесь домой и собирайте вещи, – сказала Ламарр. – Я заеду за вами ровно через два часа.

– Нет, я должен повидаться с Джоди. Встретимся в аэропорту.

– Мы не полетим самолетом.

– Вот как? Почему?

– Я никогда не летаю. Мы поедем на машине.

– В Виргинию? И сколько времени это у нас займет?

– Часов пять-шесть.

– Шесть часов в машине вместе с вами? Черт возьми, я этого не вынесу.

– Ричер, вы будете делать то, что вам скажут. До встречи в Гаррисоне ровно через два часа.

Контора Джоди находилась на сороковом этаже шестидесятиэтажного небоскреба на Уолл-стрит. В вестибюле круглосуточно дежурила охрана, но Ричеру фирма, в которой работала Джоди, выписала пропуск, по которому его впускали в любое время суток. Джоди сидела в кабинете одна, изучая утренние сводки лондонских рынков.

– Как ты? – спросил Ричер.

– Устала, – призналась она.

– Тебе нужно поехать домой.

– Ну да, как будто я смогу заснуть.

Подойдя к окну, Ричер взглянул на серебряную полосу светлеющего неба.

– Расслабься, – сказал он. – Причин для тревоги нет.

Джоди ничего не ответила.

– Я решил, что делать, – сказал он.

Она покачала головой:

– Только не надо ничего мне говорить. Я ничего не хочу знать.

– Обещаю, все получится.

Какое-то время Джоди сидела неподвижно, затем встала и подошла к нему. Уткнулась головой ему в грудь, крепко прижимаясь щекой к рубашке.

– Береги себя.

– Обязательно буду, – сказал Ричер. – Можешь не беспокоиться.

– И не делай глупостей.

– Можешь не беспокоиться, – повторил он.

Джоди подняла лицо, и они поцеловались. Ричер долго не отрывался от ее губ, чтобы это ощущение осталось с ним надолго, на ближайшее обозримое будущее.

Назад в Гаррисон Ричер ехал быстрее обычного и вернулся домой за десять минут до того, как истекли два часа, отведенные Ламарр. Захватив в ванной складную зубную щетку, он убрал ее во внутренний карман. Запер на засов дверь в подвал и поставил термостат системы отопления на минимум. Завернул все краны и запер входную дверь. Выдернул телефон из розетки и вышел из дома через кухню.

Пройдя между деревьями до конца двора, Ричер посмотрел на реку. Серая и ленивая, она была прикрыта покрывалом утреннего тумана. На противоположном берегу листья уже начали менять цвет с пожелтого зеленого на бурый и светло-оранжевый. Здания академии Уэст-Пойнт терялись в дымке.

Над крышей особняка появилось солнце, но оно было бледным, лишенным тепла. Ричер вернулся к дому, обогнул гараж и прошел по дорожке. Закутался в плащ и вышел на улицу, не оглядываясь назад. «С глаз долой – из сердца вон». Он хотел, чтобы все было именно так. Ричер встал у почтового ящика и стал ждать, глядя на дорогу.

Глава 7

Ламарр появилась точно в назначенное время в новом, сверкающем «бьюике» с номерами штата Виргиния. В просторном салоне она была одна и казалась маленькой. Плавно затормозив, Ламарр нажала на кнопку, открывая крышку багажника. Ричер захлопнул крышку, распахнул дверцу и сел в машину.

– Где твоя сумка? – спросила Ламарр, сразу перейдя на «ты».

– У меня нет сумки.

Мгновение она непонимающе смотрела на него. Затем отвела взгляд с таким видом, словно столкнулась с социальным уродством, и поехала назад к улице. На первом перекрестке Ламарр неуверенно остановилась.

– Как лучше всего добраться на юг? – спросила она.

– Самолетом.

Отвернувшись, Ламарр поехала налево, прочь от реки. После еще одного левого поворота она оказалась на федеральной магистрали номер 9, ведущей на север.

– В Фишбилле я сверну на шоссе восемьдесят четыре, – сказала она. – Поеду на запад до скоростной магистрали, затем на юг до автострады Пэлисейдс, и там мы попадем в Садовый штат².

Ричер молчал. Ламарр вопросительно посмотрела на него.

– Как тебе будет угодно, – сказал он.

– Я просто пытаюсь завести разговор.

– Не трудись.

– Не слишком ты дружелюбный.

Ричер пожал плечами:

– Кажется, я должен был помогать в налаживании контактов с армией, а не в изучении основ географии Соединенных Штатов.

Ламарр подняла брови и скривила рот, изображая недовольство, но в то же время показывая, что несколько не удивлена. Ричер отвернулся и стал смотреть на мелькающие за окном пейзажи. В машине было тепло. Ламарр включила отопитель на максимум. Протянув руку, Ричер уменьшил подачу теплого воздуха в свою сторону.

– Жарко, – заметил он.

Ламарр никак на это не отреагировала. Она продолжала молча вести машину. Шоссе I-84 вывело их через Гудзон в Ньюберг. Там Ламарр выехала на скоростную магистраль и повернула на юг. Она уселась поудобнее, словно готовясь к долгой дороге.

– Ты никогда не летаешь самолетами? – спросил Ричер.

– Раньше летала. Много лет назад. Но теперь не могу.

– Почему?

– Боюсь, – просто ответила она.

– Ты носишь оружие?

Оторвав руку от рулевого колеса, Ламарр отодвинула лацкан пиджака. Под ним блеснула твердая коричневая кожа ремней кобуры под мышкой, огибающих грудь.

– И ты готова им воспользоваться?

– Конечно. Если возникнет необходимость.

– В таком случае бояться летать очень глупо. Вероятность погибнуть в автокатастрофе или перестрелке в миллион раз выше.

Она кивнула:

---

² Садовый штат, или Страна садов – описательное название штата Нью-Джерси.

– Умом я понимаю доводы статистики.

– Значит, твой страх иррационален, – заметил Ричер.

– Наверное, – согласилась Ламарр.

Они замолчали. Тишина нарушалась лишь ворчанием двигателя.

– В Бюро много иррациональных агентов? – спросил Ричер.

Ламарр ничего не ответила, лишь немного покраснела. Ричер снова замолчал, уставившись на дорогу. Ему стало стыдно. В конце концов, Ламарр прижали со всех сторон.

– Я очень сожалею насчет твоей сестры, – сказал он.

– С чего бы это?

– Просто я понимаю, как ты за нее переживаешь.

Ламарр не отрывала взгляда от дороги.

– Это тебе Блейк сказал, пока я варила кофе?

– Да, он упомянул об этом.

– Вообще-то, она мне не родная сестра, а сводная, – сказала Ламарр. – И все мои переживания носят исключительно профессиональный характер, ясно?

– Звучит так, будто вы не очень-то ладите.

– Вот как? С чего ты взял? Мое отношение к делу должно измениться только потому, что я близка к одной из потенциальных жертв?

– От меня вы ждали именно этого. Вы решили, что я восплаю желанием отомстить за Эми Каллан только потому, что я ее знал и она мне нравилась.

Ламарр покачала головой:

– Это решил Блейк. Я могла бы, наверное, ожидать чисто человеческого участия, но конкретно от тебя я ничего не ждала, потому что ты по всем статьям соответствуешь портрету убийцы.

– С этим портретом ты ошиблась. И чем скорее ты признаешься себе в этом, тем скорее вы поймаете убийцу.

– Что ты можешь понимать в построении психологических портретов?

– Ровным счетом ничего. Но я не убивал этих женщин и не стал бы их убивать. Следовательно, вы напрасно тратите время на поиски такого человека, как я, потому что я совсем не тот, кого надо искать. Резонно, правда? И факты на моей стороне.

– Ты любишь факты?

– Гораздо больше всякой бредятины, – подтвердил Ричер.

– Хорошо, тогда как тебе понравятся вот эти факты? – спросила Ламарр. – Я только что помогла схватить убийцу в штате Колорадо, хотя сама даже никогда не была там. Одна женщина была изнасилована и убита в собственном доме. Она скончалась от множественных ударов тупым предметом по голове. Ее обнаружили лежащей на полу на спине, с лицом, закрытым простыней. Жестокое преступление, совершенное спонтанно. На входной двери и окнах никаких следов взлома, все в доме осталось на своих местах. Убитая женщина была умной, молодой и красивой. Я рассудила, что преступление совершил местный житель, зрелого возраста, живущий неподалеку, знавший жертву, неоднократно бывавший у нее дома, испытывавший к ней сексуальное влечение, однако слишком стеснительный или занимающий более низкое социальное положение и поэтому не заявивший о своих чувствах надлежащим образом.

– И?..

– Я составила этот психологический портрет, и местная полиция уже через час арестовала преступника. Он сразу же во всем сознался.

Ричер кивнул:

– Это оказался разнорабочий. Он убил ее молотком.

Впервые за полчаса Ламарр оторвалась от дороги и удивленно посмотрела на него.

– Ты не можешь этого знать. В здешних газетах об этом деле не писали.

Он пожал плечами:

– Догадка, основанная на фактах. Закрытое простыней лицо означает, что жертва знала убийцу и убийца знал жертву и устыдился оставить ее лицо открытым. Возможно, испугался, что она будет смотреть на него из могилы. Подобное мышление указывает на низкий интеллект. Отсутствие следов взлома говорит о том, что убийца не раз бывал в доме. А все остальное очевидно.

– Почему?

– Что за тип с низким интеллектом может неоднократно бывать дома у умной красивой женщины? Это или садовник, или разнорабочий. Садовник, скорее всего, отпадает – он в основном работает на улице. К тому же садовники, как правило, работают парами. Поэтому я сделал выбор в пользу разнорабочего, которому, вероятно, не давало покоя, как молода и красива его работодательница. Однажды его терпению приходит конец, он делает попытку подкатить к ней, красавица его отвергает, возможно, даже насмехается над ним, он срывается, насилует и убивает ее. Поскольку он рабочий, у него с собой сумка с инструментами. Он привык ими пользоваться, вот и схватился за молоток.

Ламарр ничего не сказала. Снова покраснела.

– И ты называешь это построением психологического портрета? – спросил Ричер. – Да это же просто здравый смысл.

– Дело оказалось очень простым, – едва слышно произнесла Ламарр.

Он рассмеялся:

– И вам, ребята, платят за это деньги? Этому вас учат в колледжах?

Машина въехала в Нью-Джерси. Асфальтовое покрытие стало заметно лучше, вдоль обочины потянулись ухоженные лесопосадки. Каждый штат тратит огромные усилия на первую милю шоссе на своей территории, пытаясь убедить путешественника, что он оставил плохое позади и попал туда, где лучше. Ричер всегда недоумевал, почему никто не тратит силы на последнюю милю. В этом случае путник сожалел бы о том месте, с которым ему приходится расставаться.

– Нам нужно поговорить, – сказала Ламарр.

– Что ж, говори. Расскажи мне об университете.

– Мы не будем говорить об университете.

– Почему? Расскажи о своей учебе. Или ты отказываешься?

– Нам нужно обсудить убийства.

Ричер улыбнулся:

– Ты ведь училась в университете?

– Да. В Университете штата Индиана.

– На факультете психологии?

Ламарр покачала головой.

– Тогда на каком? Криминалистики?

– Если тебе так интересно, моя специализация – декоративное садоводство. А своей профессией я овладела в Академии ФБР в Куантико.

– Декоративное садоводство? Неудивительно, что Бюро ухватилось за тебя руками и ногами.

– На самом деле университет мне тоже пригодился. Меня научили видеть за мелочами общую картину и быть терпеливой.

– А также научили выращивать разные цветочки. Это может очень пригодиться, чтобы убивать время, когда дурацкие психологические портреты заведут в тупик.

Ламарр промолчала.

– И много у вас в Куантико иррациональных садоводов, которые боятся летать на самолетах? Энтузиастов бонсай, пугающихся пауков? Любителей орхидей, которые ни за что не наступят на трещины на асфальте?

Ламарр побледнела:

– Я вижу, Ричер, ты очень доволен собой, отпуская шуточки, пока где-то там умирают невинные женщины.

Он ничего не ответил и отвернулся к окну. Ламарр вела машину быстро. Асфальт был мокрый, а небо впереди было затянуто черными тучами. «Бьюик» мчался за грозой, отступая на юг.

– Ладно, расскажи мне об убийствах, – наконец произнес Ричер.

Крепко стиснув рулевое колесо, Ламарр уселась поудобнее.

– Ты уже знаешь, к какой группе принадлежат убитые женщины, – сказала она. – Согласись, она очень специфичная.

Ричер кивнул:

– Несомненно.

– Места преступлений, похоже, никак не связаны. Убийца преследует определенную жертву и едет туда, где она находится. Пока что все убийства совершены в доме у жертвы. Во всех случаях речь идет об отдельных домах, но с разной степенью уединенности.

– Причем все дома неплохие.

Ламарр недоуменно посмотрела на него. Ричер улыбнулся:

– Армия щедро расплатилась с этими женщинами, когда они увольнялись. Это называется «избегать скандала». Получив толстую пачку денег и возможность обзавестись своим углом после нескольких лет скитаний, все женщины, наверное, купили себе неплохие особнячки.

Ламарр кивнула, не отрывая взгляда от дороги.

– Да, пока что мы имеем дело с домами в зажиточных кварталах.

– Вполне понятно, – заметил Ричер. – Эти женщины хотели иметь соответствующее окружение. Что насчет мужей и прочих родственников?

– Каллан была разведена, без детей. У Кук был возлюбленный, детей тоже не было. Стэнли вела замкнутый образ жизни и не имела близких друзей.

– Вы проверили мужа Каллан?

– Естественно. Расследуя убийство, мы первым делом проверяем родственников. Если убита замужняя женщина, мы проверяем мужа. Но у него есть алиби, ничего подозрительного за ним не числится. А после того как была убита Кук, почерк стал ясен. Мы поняли, что мужья и возлюбленные тут ни при чем.

– Да, наверное.

– Первая проблема состоит в том, как убийце удастся проникать в дом. Никаких следов взлома. Он просто входит в дверь.

– Думаешь, он сначала ведет наблюдение за домом?

Ламарр пожала плечами:

– Три жертвы – это еще мало, так что я опасаюсь делать выводы. Но скорее всего, убийца действительно ведет наблюдение. Ему необходимо застать жертв дома одних. Он досконально прорабатывает все детали, ни в чем не полагается на случай. Однако не стоит переоценивать значение наблюдения. Установить, что все три женщины весь день проводили дома в одиночестве, было бы совсем нетрудно.

– Какие-либо следы засады? Окурки и банки из-под содовой под соседним деревом?

Ламарр покачала головой:

– Этот тип не оставляет абсолютно никаких следов.

– Соседи ничего не видели?

– Ничего.

– Все три жертвы были убиты днем?

– Время различное, но все в светлое время суток.

– Никто из женщин не работал?

– Да, как и ты. Вы, бывшие военные, похоже, не стремитесь найти себе работу. Я обязательно учту эту особенность в будущем.

Ричер уставился в окно. По асфальту текли потоки воды. Гроза была в миле впереди.

– Почему вы, бывшие военные, нигде не работаете?

– Мы? – переспросил Ричер. – Могу сказать только о себе: я не нашел ничего такого, чем хотел бы заниматься. Я подумывал о декоративном садоводстве, но все же предпочел бы какое-нибудь более стоящее дело. Меня не устраивает место, где можно стать мастером за полторы секунды.

Ламарр снова промолчала, и машина, шелестя шинами, въехала в стену дождя. Ламарр включила щетки, зажгла фары и чуть сбавила скорость.

– Ты собираешься и дальше меня оскорблять? – спросила она.

– Мои подколки – сущая мелочь по сравнению с тем, что вы угрожаете моей подруге. И с такой готовностью поверили в то, что человек вроде меня мог убить двух женщин.

– Так все же да или нет?

– Возможно. Думаю, извинения с твоей стороны превратят ответ в «нет».

– Извинения? И не надейся, Ричер. Я по-прежнему верю в свой психологический портрет. Если убийства совершил не ты, то какой-то подонок, похожий на тебя.

Небо затянули сплошные черные тучи, дождь усилился. Впереди сквозь потоки воды, текущей по лобовому стеклу, сияли красные огни стоп-сигналов. Машины едва ползли. Ламарр резко нажала на тормоз.

– Проклятье!

Ричер улыбнулся:

– Забавно, правда? В такую погоду вероятность погибнуть или получить увечья в автокатастрофе в десять тысяч раз выше, чем при полете на самолете.

Ламарр ничего не ответила. Она то и дело смотрела в зеркало заднего вида, опасаясь, что тот, кто едет следом, не успеет затормозить. Впереди огни стоп-сигналов красной цепочкой уходили вперед. Отыскав рычаг регулировки, Ричер опустил свое сиденье и уютно вытянулся.

– Я сосну чуток, – объявил он. – Разбудишь, когда мы куда-нибудь приедем.

– Мы еще не закончили говорить, – возразила Ламарр. – Ты не забыл, мы ведь договорились? Подумай о Петросяне. Интересно, чем он сейчас занимается?

Ричер посмотрел налево, через Ламарр, в ее окно. В той стороне находился Манхэттен, но сейчас можно было лишь с трудом разглядеть обочину шоссе.

– Хорошо, будем говорить дальше.

Ламарр сосредоточила все внимание на дороге. Машина медленно двигалась по залитому дождем асфальту, то и дело останавливаясь.

– На чем мы остановились? – спросила Ламарр.

– Убийца следит за жертвой, выясняет, что она одна дома, все происходит среди бела дня, каким-то образом он заходит в дом. Что дальше?

– Затем он ее убивает.

– В доме?

– Мы так думаем.

– Думаете? А точно сказать не можете?

– К сожалению, мы многое не можем сказать точно.

– Да, это обнадеживает.

– Убийца не оставляет улики, – объяснила Ламарр. – Вот в чем главная проблема.

– В таком случае опиши места преступлений, – предложил Ричер. – Начни с того, какие растения растут в садике перед окнами.

– Почему? Ты полагаешь, это имеет значение?

Ричер рассмеялся:

– Нет, я просто подумал, что тебе проще начать с чего-нибудь такого, в чем ты разбираешься.

– Сукин сын!

Машина медленно ползла вперед. Щетки неторопливо сновали по лобовому стеклу – туда-сюда, туда-сюда. Впереди показались мигающие красные и синие огни.

– Авария, – констатировал Ричер.

– Убийца не оставляет никаких улик, – повторила Ламарр. – Абсолютно никаких. Ни отпечатков пальцев, ни волокон, ни крови, ни слюны, ни волос, ни ДНК – ничего.

Ричер закинул руки за голову и зевнул:

– Добиться этого очень непросто.

Ламарр кивнула, не отрывая взгляда от дороги:

– Совершенно верно. В нашем распоряжении имеются такие средства тестирования, что трудно представить, но нашему приятелю удастся обойти их все.

– Каким образом?

– Мы не можем понять. Сколько времени ты пробыл в этой машине?

Ричер пожал плечами:

– Такое ощущение, что полжизни.

– На самом деле всего около часа. Но сейчас твои пальчики уже повсюду – на дверных ручках, приборной панели, защелке ремня безопасности, рычаге регулировки сиденья. На подголовнике не меньше десятка твоих волос. По всему сиденью куча волокон ткани брюк и пиджака. На коврик земля из двора дома в Гаррисоне. Быть может, даже ворс ковра.

Ричер понимающе кивнул:

– А я здесь просто сижу.

– Вот именно. А при насильственном убийстве подобные улики должны быть повсюду. Плюс, возможно, кровь и слюна.

– Тогда, наверное, он убивает не в доме.

– Но тело оставляет именно там.

– Значит, ему приходится перетаскивать тело в дом.

Ламарр кивнула:

– Достоверно известно, что убийца проводит в доме какое-то время. Есть доказательства этому.

– Где он оставляет тело?

– В ванной комнате. В ванне.

«Бьюик» дюйм за дюймом проползал мимо места аварии. Старый автофургон на полной скорости врезался сзади в джип, абсолютно такой же, какой был у Ричера. В лобовом стекле фургона зияли две дыры, пробитые головами. Смятую дверцу пришлось открывать домкратом. В разрыве разделительного барьера стояла машина «скорой помощи». Вывернув шею, Ричер уставился на джип. Это была не его машина. Впрочем, он и не ждал, что это окажется его джип. Джоди никуда не поедет. Если у нее есть хоть капля здравого смысла.

– В ванне? – переспросил Ричер.

– В ванне, – подтвердила Ламарр, не отрываясь от дороги.

– Все три тела?

– Все три.

– Что-то вроде подписи?

– Верно, – сказала она.

– Откуда убийце известно, что у всех жертв были ванны?
– Когда человек живет в доме, у него обязательно есть ванна.
– Откуда ему известно, что все жертвы живут в домах? Он ведь выбирает их не по принципу жилья. Это в определенном смысле случайность. Жертвы могли жить где угодно. Например, я живу в мотелях. А в некоторых мотелях есть только душ.

Ламарр мельком взглянула на него:

– Ты больше не живешь в мотелях. Ты живешь в собственном особняке в Гаррисоне.

Ричер смущенно отвел взгляд, как человек, который забыл.

– Ну, наверное, сейчас я действительно живу в собственном особняке, – признался он. – Но прежде мне пришлось попутешествовать. Откуда убийце известно, что у этих женщин есть постоянное жилье?

– Это «уловка двадцать два». Если бы они были бездомными, они бы не попали в его список. Я хочу сказать: для того чтобы попасть в его список, они должны иметь постоянное место жительства – в противном случае убийца не сможет их найти.

– Но откуда ему известно, что у всех есть ванна?

Ламарр пожала плечами:

– В любом доме, в любой квартире есть ванна. Лишь в совсем крошечных квартирах-студиях имеется только душевая кабина.

В этой области у Ричера было совсем мало опыта. Недвижимость оставалась для него неизведанной территорией.

– Ладно. Итак, все жертвы лежат в ванне.

– Обнаженные. И их одежда отсутствует.

Проехав мимо места аварии, Ламарр надавила на газ, устремляясь в погоню за отступающей грозой. Она переключила щетки стеклоочистителя на максимальную скорость.

– Убийца забирает одежду жертв с собой? – спросил Ричер. – Почему?

– Вероятно, в качестве трофея. У серийных убийц захват трофеев – очень распространенное явление. Возможно, в этом есть какой-то символизм. Возможно, убийца считает, что жертвы должны по-прежнему носить военную форму, поэтому он отнимает у них гражданскую одежду. И жизнь.

– Больше он ничего не берет?

Ламарр покачала головой:

– По крайней мере, мы ничего не смогли установить. Все вещи вроде бы на своих местах. Нигде нет никаких «пробелов». Наличные и кредитные карточки не тронуты.

– Значит, убийца забирает одежду жертв и не оставляет никаких следов.

Ламарр ответила не сразу.

– Кое-что он оставляет, – сказала она. – Он оставляет краску.

– Краску?

– Армейскую зеленую камуфляжную. В большом количестве.

– Где?

– В ванне. Убийца кладет туда обнаженное тело, после чего заполняет ванну краской.

Ричер всмотрелся в дождь сквозь бешено мечущиеся щетки стеклоочистителя.

– Он топит женщин в краске?

Ламарр покачала головой:

– Нет, не топит. Он кладет их в ванну уже мертвыми. А потом покрывает их краской.

– Каким образом? Раскрашивает?

Ламарр прибавила скорость, пытаясь наверстать упущенное время.

– Нет, он их не раскрашивает. Просто заполняет ванну краской по самый край. Естественно, при этом тело тоже оказывается покрытым краской.

– Значит, трупы плавают в ванне, заполненной зеленой краской?

Она кивнула:

– Именно в таком виде были обнаружены все три жертвы.

Ричер ничего не сказал. Отвернувшись, он уставился в окно и молчал довольно долго. На западе небо стало проясняться. Дождь заканчивался. Машина быстро неслась вперед. Покрышки шелестели по мокрому асфальту, дождевые капли барабанили по крыше. Уставившись вдаль на светлое небо на западе, глядя краем глаза на мелькающую бесконечную ленту шоссе, Ричер вдруг поймал себя на том, что он счастлив. Он куда-то направляется. Находится в движении. Кровь у него в жилах потекла быстрее, словно у животного в конце зимы. Старый демон странствий тихонько нашептал ему на ухо: «Сейчас ты счастлив. Ты счастлив, правда? Ты ведь даже на время забыл о том, что привязан к Гарриону!»

– Что с тобой? – спросила Ламарр.

Повернувшись к ней, Ричер постарался сосредоточить внимание на ее бледном лице, жидких волосах, кривых зубах, обнажившихся в улыбке.

– Расскажи мне о краске, – тихо сказал он.

Ламарр посмотрела на него озадаченно.

– Обыкновенная армейская краска, – сказала она. – Зеленая, матовая. Производится в штате Иллинойс сотнями тысяч галлонов. Изготовлена в течение последних одиннадцати лет, потому что технологический процесс относительно новый. Помимо этого, нам больше ничего не удалось установить.

Ричер рассеянно кивнул. Сам он никогда не использовал такую краску, но видел миллионы квадратных ярдов, выкрашенных ею.

– Возиться с краской сложно, – задумчиво произнес он.

– Но места преступлений безукоризненно чистые. Нигде не пролито ни капли.

– Женщины уже мертвы, – заметил Ричер. – Никто не сопротивляется. Так что проливать краску незачем. Однако ее надо принести в дом. Сколько нужно краски, чтобы наполнить ванну до краев?

– От двадцати до тридцати галлонов.

– Это очень много. Должно быть, краска имеет для убийцы огромное значение. Вы не пытались понять, какое именно?

Ламарр пожала плечами:

– Нет, если не брать в расчет очевидного. Краска-то армейская. Быть может, отнимая гражданскую одежду и покрывая трупы армейской краской, убийца как бы возвращает жертвы туда, где, по его мнению, они должны находиться. Понимаешь, краска сковывает трупы. Через пару часов на поверхности появляется пленка. Со временем она твердеет, а жидкая краска внутри превращается в желе. Полагаю, за достаточно большой срок она бы вся высохла и затвердела, а трупы оказались бы внутри. Знаешь, некоторые родители помещают первые пинетки своего малыша в кубик из оргстекла.

Ричер уставился перед собой. Горизонт впереди был чистым. Гроза осталась позади. Справа мелькала зеленая и солнечная Пенсильвания.

– Краска – это чертовски хлопотно, – произнес Ричер, рассуждая вслух. – Двадцать или тридцать галлонов? Солидный груз. То есть у убийцы должна быть большая машина. Краску непросто раздобыть. Непросто даже внести ее в дом. Это могут заметить. Никто ничего не видел?

– Мы обошли всех соседей. Никто не заметил ничего странного.

Ричер медленно кивнул:

– Краска – это ключ к разгадке. Где убийца ее достает?

– Понятия не имеем. Армейское руководство не горит желанием помочь нам.

– Не удивляюсь. Армия вас ненавидит. Кроме того, они наверняка испугались, что убийцей может оказаться кадровый военный. Кто еще способен достать камуфляжную краску в таком количестве?

Ламарр ничего не ответила. «Бьюик» мчался на юг. Дождь давно кончился, и щетки со скрипом скребли сухое стекло. Ламарр уверенным движением выключила стеклоочистители. Ричер принялся размышлять о каком-то кадровом военном, загружающем галлонами зеленую краску. В его списке девяносто одна женщина, его извращенное сознание требует на каждую от двадцати до тридцати галлонов. Итого две – две с половиной тысячи галлонов. Огромное количество. Для того чтобы перевезти столько, понадобится много грузовиков. Быть может, этот человек – интендант.

– Как убийца справляется с жертвами? – спросил Ричер.

Ламарр крепче стиснула рулевое колесо. Сглотнула комок в горле, не отрывая взгляда от дороги.

– Мы не знаем, – сказала она.

– Как это не знаете? – удивился Ричер.

Ламарр покачала головой:

– Жертвы мертвы. Но мы не можем определить, как именно они умерли.

Глава 8

Всего их девяносто одна, а тебе необходимо разобраться с шестью из них, то есть еще с тремя. Так что ты намереваешься делать дальше? Думать и прорабатывать мельчайшие подробности – вот что. Думать, думать и думать – вот что ты будешь делать. Потому что в этом основа успеха. Тебе нужно перехитрить всех. И жертв, и следователей. Много-много следователей. С каждым разом их становится все больше и больше. Местная полиция, полиция штата, ФБР, консультанты, приглашенные ФБР. Новые методы, новые подходы. Ты знаешь, что тебя ищут. Эти люди очень хотят тебя найти. Они будут стараться изо всех сил.

Обмануть следователей сложно, а вот женщин – легко. Проще простого. На этом строился весь твой расчет, и он оказался верен. Абсолютно верен. Жертвы шагают прямо в ловушку, как и предполагалось. Твои рассуждения были тщательными и всесторонними, и план оказался безупречным. Женщины отпирают дверь, впускают тебя в дом. Высунув язык, спешат навстречу собственной смерти. Они такие глупые, поэтому получают по заслугам. Твоя задача нетрудна. Совершенно нетрудна. Она требует кропотливой работы, и только. Как и все в этом мире. Если тщательно все продумать, все предусмотреть, досконально подготовиться, отрепетировать каждое действие, тогда задача не составит особого труда. Превратится в вопрос техники, как и предполагалось вначале. Все основывается на науке. Ты делаешь сначала это, затем это, потом это, а когда все остается позади, ты преспокойно возвращаешься домой. Все самое трудное остается позади. Но ты не перестаешь думать. Думать, думать и думать. У тебя получилось один раз, получилось два раза, три раза, но ты прекрасно знаешь, что в жизни нет ничего гарантированного. Ты знаешь это лучше, чем кто-либо. Поэтому ты не перестаешь думать, так как теперь твой единственный враг – твоя собственная самоуверенность.

– Как это вы не знаете? – повторил Ричер.

Ламарр вздрогнула. Она смотрела прямо перед собой, уставшая, сосредоточив все внимание на дороге, судорожно стиснув руль, управляя «бьюиком» словно автомат.

– Чего мы не знаем?

– Как умерли жертвы.

Ламарр тяжело вздохнула:

– Не знаем, и все тут.

Ричер пытливо посмотрел на нее:

– С тобой все в порядке?

– А что, я плохо выгляжу?

– Похоже, ты жутко устала.

Ламарр зевнула:

– Да, полагаю, есть немного. Ночка выдалась длинная.

– В таком случае, пожалуйста, будь поаккуратнее.

– Ты уже начал беспокоиться обо мне?

Он покачал головой:

– Нет, о себе. Если ты заснешь за рулем, мы очутимся в кювете.

Она снова зевнула.

– Такого еще ни разу не было.

Ричер отвернулся. Незаметно для себя принялся тереть ремень безопасности.

– Со мной все в порядке, – заверила его Ламарр. – Ни о чем не беспокойся.

– Почему вы не знаете, как умерли жертвы?

Она пожала плечами:

– Ты сам работал следователем. Ты видел мертвых.

– Ну и?

– Что ты искал в первую очередь?

– Раны, повреждения органов.

– Совершенно верно. Если человек продырявлен пулями, можно сделать вывод, что его расстреляли. Если у него раскроен череп, речь идет о травме, нанесенной тупым предметом.

– Но?

– Так вот, мы нашли три ванны, наполненные засыхающей краской. Трупы достали, патологоанатом их очистил. И ничего не нашел.

– Совсем ничего?

– По крайней мере, с первого взгляда ничего очевидного. Тогда, естественно, он начинает искать пристальнее. И по-прежнему ничего не находит. Делает вскрытие, но в легких нет ни воды, ни краски. Начинает искать микроскопические повреждения наружных органов. Но так ничего и не находит.

– Ни синяков? Ни следов от уколов?

– Абсолютно ничего. Но надо помнить, что жертвы были покрыты краской. А ваша армейская дрянь не пройдет ни одного санитарно-гигиенического теста. В ней полно едких химических соединений. Она разъедает кожу уже после смерти. Можно предположить, что краска уничтожила какие-то малозаметные следы. И тем не менее женщин убивает что-то тонкое, неуловимое. Ничего грубого и прямолинейного.

– А что насчет внутренних органов?

Ламарр покачала головой:

– Ничего. Ни подкожных кровоподтеков, ни повреждений внутренних органов.

– Яд?

– Нет. В желудке все чисто. Жертвы не отравились краской. Заключение токсиколога однозначно отрицательное.

Ричер медленно кивнул:

– Насколько я понимаю, следов сексуального насилия тоже нет, поскольку Блейк обрадовался, услышав, что Каллан и Кук переспали бы со мной, если бы у меня возникло такое желание. То есть преступник не чувствует себя сексуально отвергнутым и поэтому не насилует жертв. В противном случае вы стали бы искать мужчину, которого эти женщины отвергли.

Ламарр кивнула:

– Да, в нашем психологическом портрете для секса места нет. Мы считаем, что убийца раздевает жертв, чтобы их унижить. Наказать. Вообще лейтмотив преступлений – наказание. Возмездие.

– Странно, – заметил Ричер. – Определенно этот человек – военный. Но военные убивают не так. Они стреляют в своих жертв, пронзают их ножом, забивают до смерти или душат. Военные не любят тонких и неуловимых методов.

– Мы не знаем, как именно убийца расправляется с жертвами.

– Но ведь в его действиях нет ярости, правда? Если этот тип обуреваем мстостью, где же ярость? А тут все получается клинически стерильно.

Ламарр зевнула и кивнула – одновременно.

– Меня это тоже беспокоит. Но давай рассмотрим категорию, к которой относятся жертвы. Каким еще может быть мотив? А раз мы пришли к согласию относительно мотива, кем еще может быть убийца, если не разъяренным воякой?

Они погрузились в молчание. Мимо мелькали дорожные указатели. Ламарр сжимала рулевое колесо так, что сухожилия на запястьях проступали натянутыми канатиками. Ричер

смотрел на дорогу и старался особенно этому не радоваться. Затем Ламарр снова зевнула и перехватила его встревоженный взгляд.

– Со мной все в порядке, – поспешила заверить она.

Ричер пристально посмотрел на нее.

– Со мной все в порядке, – повторила она.

– Я поплю часок, – сказал он. – Постарайся меня не прикончить.

Когда Ричер проснулся, они все еще ехали по Нью-Джерси. В машине было тихо и уютно. Двигатель ровно ворчал где-то далеко, тихим тенором пели покрышки. Едва слышно шелестел ветер. Небо оставалось серым. Ламарр буквально ооченела от усталости. Стиснув рулевое колесо, она таращилась на дорогу немигающим взглядом красных глаз.

– Давай остановимся где-нибудь и перекусим, – предложил Ричер.

– Еще слишком рано.

Он сверился с часами. Времени уже было час дня.

– Не разыгрывай из себя героя, черт возьми. Тебе необходимо влить внутрь не меньше пинты кофе.

Ламарр хотела было возразить, но затем сдалась. Ее тело внезапно как-то обмякло, и она снова зевнула.

– Ну хорошо, давай остановимся.

Проехав еще с миллю, Ламарр свернула на площадку для отдыха, скрытую за деревьями. Она остановила машину и заглушила двигатель. Некоторое время они сидели во внезапно наступившей тишине. Ричеру довелось повидать сотни подобных стоянок: образчик дешевой архитектуры, насаждаемой федеральным правительством в пятидесятые годы, оккупированный точками быстрого питания, устроившимися в скромных помещениях под яркими, кричащими вывесками.

Выбравшись первым на холодный, сырой воздух, Ричер потянулся, разминая затекшие члены. За спиной ревели оживленное шоссе. Ламарр неподвижно сидела в машине, и Ричер направился в туалет. Выйдя оттуда, он нигде ее не увидел. Он вошел в здание и занял очередь в буфет. Ламарр присоединилась к нему через минуту.

– Ты не должен был так поступать.

– Как так?

– Уходить от меня.

– Почему?

– Потому что у нас для таких, как ты, есть определенные правила.

Она произнесла это без намека на шутку. Ричер пожал плечами:

– Хорошо, в следующий раз, когда я отправлюсь в сортир, я захвачу тебя с собой.

Ламарр даже не улыбнулась:

– Просто предупреди, и я буду ждать за дверью.

Пока очередь неспешно продвигалась вперед, Ричер решил, что вместо бутерброда с сыром возьмет бутерброд с крабовым мясом, хоть он и дороже. Платить-то все равно не ему. К бутерброду Ричер добавил кружку черного кофе на двадцать унций и сдобную булочку. Оставив Ламарр возиться с бумажником, он выбрал столик. Когда она присоединилась к нему, он насмешливо поднял кружку:

– Предлагаю выпить за несколько веселых дней, которые нам предстоит провести вместе.

– Не несколько дней, а столько, сколько потребуется, – поправила Ламарр.

Ричер пригубил кофе, думая о том же.

– Что означает трехнедельный цикл? – спросил он.

Ламарр остановила свой выбор на бутерброде из хлеба с отрубями и сыра. Услышав вопрос, она мизинцем смахнула с уголка губ крошку.

– Точно мы не знаем. Три недели – очень странный промежуток. Никак не связанный с луной. Трехнедельных циклов нет ни в одном календаре.

Ричер проделал в уме несложные арифметические расчеты.

– Девяносто одна цель, по три недели на каждую, – чтобы расправиться со всеми, убийце потребуется пять с четвертью лет. Чертовски долгосрочный проект.

Ламарр кивнула:

– Мы рассматриваем это как доказательство того, что продолжительность цикла обусловлена внешними причинами. Предположительно убийца работал бы быстрее, если бы у него была такая возможность. Поэтому мы считаем, что его работа связана с трехнедельным графиком. Вероятно, он две недели работает, затем неделю отдыхает. Эту неделю убийца тратит на то, чтобы выследить жертву, подготовиться и совершить преступление.

Ричер увидел открывшуюся перед ним возможность.

– Похоже на то.

– Итак, кто в армии работает по такому графику?

– С такой регулярностью? Различные дежурные части. Две недели боевой готовности, неделя отдыха.

– А кто находится на боевом дежурстве?

– Морская пехота, некоторые сухопутные части. – Помолчав, он сглотнул комок в горле. – И спецназ. – Интересно, клюнет ли Ламарр на приманку?

Она клюнула.

– Спецназ должен знать изощренные способы убийства, верно?

Ричер недовольно посмотрел на свой бутерброд. Похоже, крабовое мясо было сделано из тунца.

– Не совсем. Могут убить бесшумно – да, без оружия – да, без предварительной подготовки – да. А вот о том, чтобы убивать, я ничего не слышал. Наш приятель старается не оставить никаких следов. А спецназовцев действительно учат убивать, это точно, но им наплевать, будет ли кто-нибудь впоследствии ломать голову над тем, как именно они сделали свое дело.

– Что ты хочешь сказать?

Он положил бутерброд.

– А то, что я не знаю, кто это делает, почему и как. И не представляю себе, как я могу это узнать. Это ты у нас большой специалист. Ты изучала в университете декоративное садоводство.

Ламарр застыла с поднятым бутербродом.

– Ричер, нам не нужно твое нытье. Нам нужно от тебя дело, и ты знаешь, на что мы готовы пойти ради этого.

– Я знаю, на что вы грозитесь пойти.

– Ты хочешь рискнуть, понадеявшись на то, что мы не станем осуществлять свои угрозы?

– Если у Джоди хоть один волос упадет с головы, знаешь, что я с тобой сделаю?

Ламарр усмехнулась:

– Ричер, ты мне угрожаешь? Угрожаешь федеральному агенту? Ты только что снова нарушил закон. Глава восемнадцать, параграф А-три, раздел четыре тысячи семьсот два. Ты сам громоздишь обвинения против себя.

Он отвернулся и ничего не ответил.

– Помогите нам, и все будет в полном порядке, – продолжила она.

Допив кофе, Ричер посмотрел на нее поверх края кружки. Спокойно, бесстрастно.

– Тебя заботит вопрос морали? – спросила Ламарр.

– При чем тут мораль?

Внезапно ее лицо изменилось. По нему пробежала тень смущения, и оно чуть смягчилось.

– Понимаю. Меня в свое время это тоже беспокоило. Окончив академию, я не могла поверить в то, что мне действительно придется заниматься всем этим. Но Бюро знает, что делает. Я уяснила это быстро, очень быстро. Тут главное – практическая целесообразность. Как сделать лучше максимально большому количеству людей. Когда нам бывает нужна помощь, мы сначала обращаемся с просьбой, но, можешь мне поверить, мы обязательно добиваемся своего.

Ричер молчал.

– Вот во что я теперь верю, – продолжила она. – Но я хочу, чтобы ты знал: не я предложила оказать на тебя давление, угрожая твоей девушке.

Ричер молчал.

– Это была мысль Блейка. Не стану ругать его методы, но лично я не пошла бы таким путем.

– Почему?

– Потому что у нас и без того хватает женщин, над которыми нависла опасность.

– Тогда почему ты не остановила Блейка?

– Не остановила? Он ведь мой начальник. И мы работаем в правоохранительном ведомстве. Основное ударение на слове «правоохранительное». Однако мне все же хочется, чтобы ты знал: будь моя воля, все было бы иначе. Потому что нам с тобой нужно работать вместе.

– Это извинения?

Ламарр ничего не ответила.

– Неужели? Наконец-то?

Она поморщилась:

– Наверное, это максимум того, что ты от меня услышишь.

– Ладно, и на том спасибо.

– Теперь мы друзья?

– Друзьями мы с тобой никогда не станем, – сказал Ричер. – Можешь забыть об этом.

– Я тебе не нравлюсь.

– Хочешь, чтобы я был честен с тобой?

Она пожала плечами:

– Нет, наверное. Мне от тебя нужна лишь твоя помощь.

– Я готов стать посредником, – сказал Ричер. – Я согласился на это. Но ты должна сказать мне, чего конкретно ты хочешь.

Ламарр кивнула:

– Мысль о войсках специального назначения пришла мне по вкусу. Первым делом тебе нужно будет заняться именно этим.

Ричер отвернулся и стиснул зубы, чтобы не улыбнуться. Пока что все шло хорошо.

Они провели на площадке для отдыха целый час. И только к концу этого часа Ламарр начала расслабляться. Когда время истекло, ей даже не хотелось возвращаться в машину.

– Хочешь, я сяду за руль? – предложил Ричер.

– Это машина Бюро. Ты не имеешь права управлять ею.

Однако вопрос снова верг ее в нервное состояние. Схватив сумочку, Ламарр резко встала. Ричер отнес грязные подносы и догнал ее у дверей. Они молча прошли к «бьюику». Ламарр завела двигатель, выехала со стоянки и влилась в поток машин.

Вернулись ворчание двигателя, приглушенный шум дороги, негромкий свист ветра, и через минуту Ричеру уже стало казаться, что никакой остановки не было. Ламарр сидела в том же положении, прямая, напряженная. Ричер развалился справа от нее, глядя на мелькающие за окном пейзажи.

– Расскажи мне про свою сестру, – сказал он.

– Она мне сводная сестра.

– Как бы то ни было, расскажи о ней.

– Зачем?

Он пожал плечами:

– Ты хочешь, чтобы я вам помог. Для этого мне нужна какая-то отправная точка. Например, расскажи, где она служила, что с ней произошло и так далее.

– Моя сводная сестра была девочкой из богатой семьи, которой захотелось приключений.

– И она пошла в армию?

– Поверила рекламным объявлениям. Видел такие в журналах? Если судить по ним, служба в армии – это захватывающее, увлекательное приключение.

– Физически она крепкая?

Ламарр кивнула:

– Да, она очень спортивная, понимаешь? Обожает экстремальные виды спорта – альпинизм, горные лыжи, велосипед, виндсерфинг. Элисон думала, что в армии ей придется только лазать по скалам с ножом в зубах.

– Но это оказалось не так?

– Ты сам все прекрасно знаешь. По крайней мере, не в то время и не для женщины. Элисон отправили служить в транспортный батальон, посадили за руль грузовика.

– Почему она сразу же не уволилась, раз у нее есть деньги?

– Потому что не привыкла бросать дело, не доведя его до конца. Учебный центр она окончила с отличием. Ее не покидала надежда добиться лучшего.

– И?..

– Элисон пять раз ходила на прием к какому-то болвану-полковнику, пытаясь сдвинуть дело с мертвой точки. Во время шестой встречи полковник предложил ей раздеться.

– И?..

– Она его обвинила, после чего ей сразу же предложили то, о чем она мечтала. Перевод в подразделение непосредственной поддержки пехоты – ближе этого женщин к настоящему делу в армии не подпускают.

– Но?

– Ты ведь сам прекрасно знаешь, что бывает в таких случаях. Пошли слухи. Дыма ведь без огня не бывает. Понимаешь, все решили, что Элисон все-таки переспала с этим типом, даже несмотря на то, что она его обвинила и его вышвырнули из армии. То есть никакой логики. В конце концов Элисон не смогла больше терпеть перешептывания и уволилась.

– Чем она занимается сейчас?

– Ничем. Жалеет себя.

– Вы с ней близки?

Ламарр ответила не сразу.

– Если честно, не очень. Не так близки, как мне хотелось бы.

– Ты ее любишь?

Она состроила гримасу:

– А почему бы мне ее не любить? Моя сводная сестра – замечательный человек. Но я с самого начала допускала ошибки. Вела себя неправильно. Я была еще маленькая, мой отец умер, мы с мамой жили очень бедно, потом в нее влюбился богатый мужчина, и в конце концов меня удочерили. А я, наверное, так и не смогла принять то, что меня спасли. И поэтому решила, что не должна любить ее, поскольку она мне лишь сводная сестра.

– Ты так и не избавилась от этого?

Ламарр покачала головой:

– Полностью не избавилась. Признаю, это моя вина. Моя мать умерла рано, и я осталась в одиночестве, столкнувшись со многими трудностями. Сейчас моя сводная сестра, по сути дела, просто моя хорошая знакомая. Но когда мы с ней встречаемся, мы ладим друг с другом.

Ричер кивнул:

– Раз они с отцом богатые, у тебя тоже есть деньги?

Она отвела взгляд. Усмехнулась, на мгновение обнажив кривые зубы:

– А что? Ты любишь богатых женщин? Или ты считаешь, что богатые женщины не должны заниматься такой работой?

– Я просто пытался поддержать разговор.

Ламарр снова усмехнулась:

– Я богаче, чем ты думаешь. У моего отчима прорва денег. И он относится к нам очень справедливо, хотя я ему не родная дочь.

– Тебе повезло.

Она помолчала.

– А скоро мы с Элисон станем еще богаче. К несчастью. Отчим очень болен. Вот уже два года он сражается с раком. Старик оказался крепким, но сейчас все идет к концу. Так что на нас свалится огромное наследство.

– Прими мои соболезнования.

Ламарр кивнула:

– Мне его очень жалко. Все это так печально.

Наступила тишина, нарушаемая лишь шелестом мелькающих под колесами миль.

– Ты предупредила свою сестру? – спросил Ричер.

– Сводную сестру.

Он удивленно посмотрел на нее:

– Почему ты все время это подчеркиваешь?

Ламарр пожала плечами:

– Потому что, если Блейк решит, что я принимаю все слишком близко к сердцу, он отстранит меня от дела. А я этого не хочу.

– Не хочешь?

– Конечно не хочу. Когда близкий человек в беде, возникает желание самой помочь ему, разве не так?

Ричер отвернулся.

– Надеюсь, ты сама веришь в это.

– К тому же родственные отношения всегда доставляли мне неудобство, – проговорила она. – Меня преследуют мои прежние ошибки. Понимаешь, после смерти матери меня могли отрезать от семьи, но этого не произошло. Отчим и сводная сестра продолжали относиться ко мне хорошо, с любовью, щедро, справедливо, но чем больше они старались, тем больше я чувствовала себя виноватой в том, что с самого начала взяла на себя роль Золушки.

Ричер промолчал.

– Ты считаешь, я снова веду себя иррационально? – нахмурилась Ламарр.

Он ничего не сказал. Ламарр устала на дорогу.

– Золушка, – повторила она. – А ты, наверное, к тому же еще назовешь меня дурнушкой.

Ричер ничего не ответил на это.

– Так ты все-таки предупредила ее или нет? – снова спросил он.

Ламарр искоса взглянула на него, и Ричер почувствовал, что она заставляет себя вернуться в настоящее.

– Разумеется, предупредила. Как только убийство Кук поставило все на свои места, я ей позвонила. И продолжаю звонить. Но она в относительной безопасности. Большую часть времени проводит в больнице с отцом, а когда она бывает дома, я велела ей никого не впускать в дом. Абсолютно никого, кто бы это ни был.

– Она прислушается к твоим советам?

– Я об этом позаботилась.

Ричер кивнул:

– Ладно, будем считать, она в относительной безопасности. Остается тревожиться только за остальных восемьдесят семь женщин.

За Нью-Джерси последовали восемьдесят миль Мэриленда, на которые ушел один час двадцать минут. Затем машина зацепила край округа Колумбия и, въехав в Виргинию, преодолела по шоссе I-95 последние сорок миль до Куантико. Городок остался позади, и начались пологие лесистые холмы. Дождь прекратился. Небо прояснилось. Ламарр вела машину быстро и вдруг, резко сбавив скорость, свернула на никак не обозначенную дорогу, петляющую между деревьями. Асфальтовое покрытие было очень хорошее, но крутые повороты не позволяли развить скорость. Через полмили дорога привела на аккуратную поляну, заставленную военными машинами и темно-зелеными палатками.

– Морская пехота, – объяснила Ламарр. – Нам выделили шестьдесят акров под учебный центр.

Ричер улыбнулся:

– Армии это видится в другом свете. Военные считают, что вы эту землю украли.

Еще полмили поворотов, новая поляна. Такие же машины, такие же палатки, такая же темно-зеленая краска.

– Армейский камуфляж, – заметил Ричер.

Ламарр кивнула:

– Видеть его спокойно не могу.

Опять повороты, еще две поляны. Машина углубилась в лес мили на две. Подавшись вперед, Ричер внимательно смотрел по сторонам. Ему еще ни разу не приходилось бывать в Куантико. Его охватило любопытство. Сделав крутой поворот, машина выехала из леса и остановилась перед контрольно-пропускным пунктом. Дорогу перегораживал полосатый красно-белый шлагбаум. Сбоку стояла будка из пуленепробиваемого стекла. К машине подошел вооруженный часовой. У него за спиной была группа приземистых строений песочно-желтого цвета, среди которых виднелись два здания повыше. Просторные, безукоризненно ухоженные лужайки свидетельствовали о том, что архитектору не приходилось экономить место. В целом местечко выглядело совершенно мирно, словно студенческий городок или штаб-квартира крупной корпорации. Это впечатление нарушали лишь ограда из колючей проволоки и вооруженный часовой.

Опустив стекло, Ламарр достала из сумочки удостоверение. Часовой, несомненно, прекрасно ее знал, но правила есть правила. Он кивнул, как только закатанное в пластик удостоверение показалось из сумочки. Затем перевел взгляд на Ричера.

– Вам должны были принести бумаги на этого человека, – сказала Ламарр.

Часовой снова кивнул:

– Да, мистер Блейк обо всем позаботился.

Нырнув в будку, он вернулся с закатанной в пластик карточкой на шнурке. На карточке были фамилия Ричера и его старая фотография из армейского личного дела. Карточка была перечеркнута бледно-розовой галочкой.

– Это означает, что ты здесь гость, – объяснила Ламарр. – Ты должен постоянно носить ее на шее.

– Или? – поинтересовался Ричер.

– В противном случае тебя пристрелят без предупреждения. И я не шучу.

Часовой вернулся в будку и открыл шлагбаум. Подняв стекло, Ламарр тронулась вперед. Дорога взобралась на холм, открыв вид на большую автостоянку. Откуда-то донеслись звуки стрельбы: отрывистый лай крупнокалиберного стрелкового оружия, ярдах в двухстах за деревьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.